

ЕВГЕНІЙ
ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

**ЄВГЕНІЙ
ОНЄГІН.**

РОМАН У ВІРШАХ.

**ТВІР
ОЛЕКСАНДРА ПУШКІНА.**

**В оригінальній орфографії
за виданням 1837р.**

**КИЇВ
2018**

**ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.**

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

**СОЧИНЕНІЕ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.**

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1837.

ПЕЧАТАТЬ **ПОЗВОЛЯЕТСЯ,**
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С. Петербургъ, 27 Ноября 1836 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ВІД РЕДАКТОРА

Видання творів Пушкіна «його оригінальною мовою» має дати читачеві унікальну можливість «подихати» його словом, почути той справжній звук, який злітав з вуст генія.

Наразі за доволі рідким виключенням твори російських класиків відаються в пореформеній орфографії 1918 року.

На думку мовознавців і поціновувачів духовного надбання, ця реформа, з погляду фонетики, привела до значних втрат.

Одним з істотних загублених звуків був той, що передавався буквою «ѣ» (ять). Історично ця буква позначала особливий голосний звук - дещо середнє між російським «е» та українським «і».

Для українця і росіянина доволі цікавою є та обставина, що, коли в українському еквіваленті стоїть «і», то дореформена орфографія майже завжди замість суцільно теперішнього російського «е» вимагає писати «ѣ». Наприклад,

бѣгъ, бѣдный, бѣженецъ, бѣлка, вѣра, вѣсть, грѣхъ, дѣва, дѣти, змѣй, лѣто, мѣдь, нѣмецъ, повѣсть, пѣна, рѣка, свѣтъ, свѣча, смѣхъ, успѣхъ, хлѣбъ, ѣда, ѣмъ.

На важливість цього звука вказує те, що буква «ѣ» зустрічається в тексті роману більше 2700 разів!

М.В. Ломоносов писав: «...буквы Е и Ъ въ просторѣчїи едва имѣють чувствительную разность, которую въ чтенїи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ [...] въ Е дебелости, въ Ъ тонкости».

Орфографічна реформа як один з наріжних каменів нової масової культури такі «непролетарського духу» тонкощі, звичайно, відкинула.

Вона відкинула і забарвлення, що надає мові буква «ө», якою дбайливо послуговувався автор, вкрапляючи в текст родзинки з грецького присмаком (риѐма, Θεокритъ, Агаѐонъ...), і той «зайвий» відтінок, який надають мові використання літер «і» та «ъ» (слов'янська назва «ер» - за старих часів позначав звук, близький до сучасного ненаголошеного «о»).

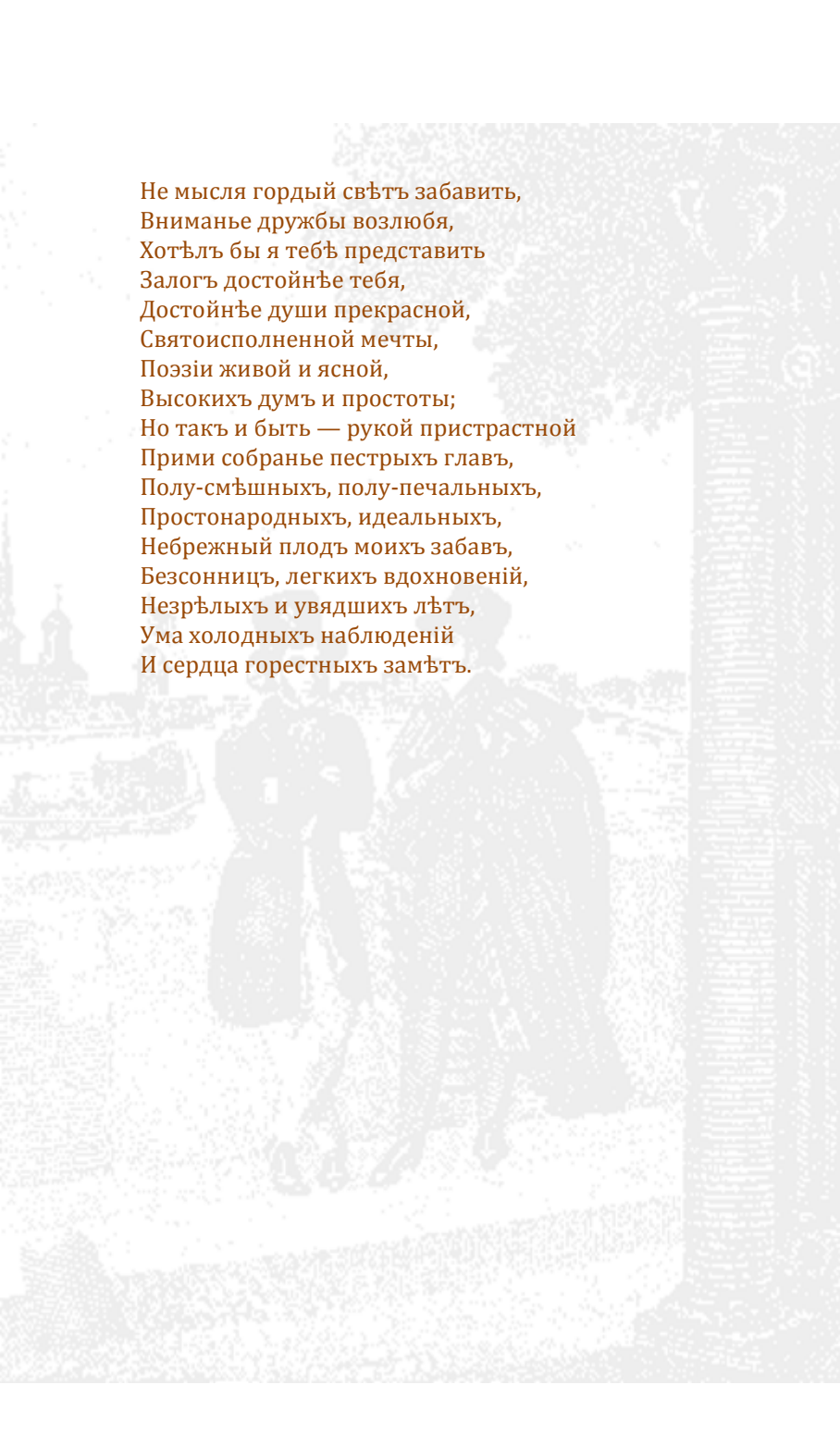
Для освіченої людини не є секретом, що теперішня спрощена «масова» орфографія сучасної російської мови, введена реформою 1918 року, не передає того колориту, тієї духовності, того ніжного і трепетного відношення народу до свого культурного надбання. Саме тому, після декретної орфографічної реформи 1918 року, багато російських письменників і поетів, серед них, наприклад, Блок, Цветаєва, Бунін, В. Іванов, не підкорилися мовному поневоленню, вбачаючи в реформі запровадження кривописання і занепад духовності.

Не будемо нав'язувати брак духовності та кривомазанину і геніальному Пушкіну!

Pêtri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достоинѣ тебя,
Достойнѣ души прекрасной,
Святоисполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полу-смѣшныхъ, полу-печальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится и чувствовать спѣшитъ.

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не вшутку занемогъ,
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдумать не могъ;
«Его примѣръ другимъ наука:
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лѣкарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ. —
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа
Безъ предисловія сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онъгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!

Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня ¹.

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *Madame* за нимъ ходила,
Потомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему, шутя,
Не докучалъ моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной:
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *Dandy*² Лондонскій, одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцевалъ,
И кланяся не принужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чемунибудь и какъ нибудь:

¹ Писано въ Бессарабіи.

² *Dandy*, франтъ.

Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть.
 Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, но педантъ.
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснуться до всего слетка,
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
 Чтобъ эпиграфы разбирать,
 Потолковать объ Ювеналѣ,
 Въ концѣ письма поставить vale,
 Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха.
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли
 Бытописанія земли:
 Но дней минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ дней,
 Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
 Для звуковъ жизни не щадить,
 Не могъ онъ ямба отъ хорея,
 Какъ мы ни бились, отличить.
 Бранилъ Гомера, Теоκριта;
 За то читалъ Адама Смита,
 И былъ глубокой эконоомъ,
 То есть, умѣлъ судить о томъ,
 Какъ государство богатѣетъ,
 И чѣмъ живетъ, и почему
 Не нужно золота ему,

Когда простой продукт имѣеть.
 Отецъ понять его не могъ,
 И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгений,
 Пересказать мнѣ недосугъ;
 Но въ чемъ онъ истинный былъ гений;
 Что зналъ онъ пверже всѣхъ наукъ,
 Что было для него измлада
 И трудъ, и мука, и отрада,
 Что занимало цѣлый день
 Его поскующую лѣнь,—
 Была наука страсти нѣжной,
 Которую воспѣлъ Назонъ,
 За что страдальцемъ кончилъ онъ
 Свой вѣкъ блестящій и мятежной
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,
 Вдали Италіи своей.

IX.

.....

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувѣрять, заставить вѣрить,
 Казаться мрачнымъ, изнывать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
 Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
 Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
 Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
 Стыдливъ и дерзокъ, а порой
 Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
 Шутя невинность изумлять,
 Пугать отчаяньемъ готовымъ,
 Пріятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиленья,
 Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
 Умомъ и страстью побѣждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанья,
 Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь — и вдругъ
 Добиться тайнаго свиданья,
 И послѣ ей наединѣ
 Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ превозжить
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда жъ хотѣлось уничтожить
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ!
 Какія сѣти имъ готовилъ!
 Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья:
 Его ласкалъ супругъ лукавый,
 Фобласа давній ученикъ,
 И недовърчивый старикъ,
 И рогоносецъ величавый,
 Всегда довольный самъ собой,
 Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.....

XV.

Бывало, онъ еще въ постель:
 Къ нему записочки несутъ.

Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
 Три дома на вечеръ зовутъ:
 Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
 Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
 Съ кого начнетъ онъ? Все равно:
 Вездѣ поспѣтъ немудрено.
 Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
 Надѣвъ широкій боливаръ³,
 Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
 И тамъ гуляетъ на просторѣ,
 Пока недремлющій Брегетъ
 Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится.
 «Поди! поди!» раздался крикъ;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобрѣвый воротникъ.
 Къ Talon⁴ помчался: онъ увѣренъ,
 Что тамъ ужъ ждетъ его ***.
 Вошелъ: и пробка въ потолокъ,
 Вина кометы брызнулъ токъ,
 Предъ нимъ Rost-beef окровавленный,
 И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,
 Французской кухни лучшій цвѣтъ,—
 И Стразбурга пирогъ неплѣнный
 Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
 И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
 Залить горячій жиръ коплетъ;
 Но звонъ Брегета имъ доноситъ,
 Что новый начался балетъ.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательныхъ актрисъ,
 Почетный гражданинъ кулисъ,

³ Шляпа à la Bolivar.

⁴ Извѣстный рестораторъ.

Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, крипикой дыша,
Готовъ охлопать Entrechât,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сапиры смѣлой властелинъ,
Блесталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Капенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подѣ сѣнію кулисъ,
Младыя дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Всѣ тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣнивъ не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ воспоминашь?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
 Партеръ и кресла, все кипитъ;
 Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
 И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
 Блестательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимфъ окружена,
 Стоитъ Истомина; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружитъ,
 И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
 Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
 То станъ советъ, то разовѣтъ,
 И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаеть. Онѣгинъ входитъ:
 Идетъ межъ кресель по ногамъ,
 Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
 На ложи незнакомыхъ дамъ;
 Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
 Все видѣлъ: лицами, уборомъ
 Ужасно недоволенъ онъ;
 Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
 Раскланялся, потомъ на сцену
 Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
 Отворотился, и зѣвнулъ,
 И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
 Балеты долго я терпѣлъ,⁵
 Но и Дидло мнѣ надоѣлъ» .

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
 На сценѣ скачутъ и шумятъ,

⁵ Черта охлажденного чувства, достойная Чальдь-Гаральда. Балеты Г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе Поэзіи, нежели во всей Французской литературѣ.

Еще усталые лакеи
 На шубахъ у подъѣзда спать;
 Еще не перестали топтать,
 Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать;
 Еще снаружи и внутри
 Вездѣ блистають фонари;
 Еще, прозябнувъ, бьются кони,
 Наскуча упряжью своей,
 И кучера, вокругъ огней,
 Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони:
 А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ;
 Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изобразу ль въ картинѣ вѣрной
 Уединенный кабинетъ,
 Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
 Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
 Все, чѣмъ для прихоти обильной
 Торгуетъ Лондонъ щепетильной
 И по Балтическимъ волнамъ
 За лѣсъ и сало возитъ намъ,
 Все, что въ Парижѣ вкусь голодной,
 Полезный промыселъ избравъ,
 Изобрѣтаетъ для забавъ,
 Для роскоши, для нѣги модной, —
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда.
 Фарфоръ и бронза на столѣ,
 И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
 Духи въ граненомъ хрусталѣ;
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямая ножницы, кривыя,
 И щетки тридцати родовъ —
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный Гримъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,

Краснорѣчивымъ сумасбродомъ ⁶:
 Защитникъ вольности и правъ
 Въ семь случаѣ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человекомъ
 И думать о красѣ ногтей:
 Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
 Обычай деспотъ межъ людей.
 Второй ^{***}, мой Евгений,
 Боясь ревнивыхъ осужденій,
 Въ своей одеждѣ былъ педантъ
 И то, что мы назвали франтъ.
 Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
 Предъ зеркалами проводилъ,
 И изъ уборной выходилъ
 Подобный вѣтренной Венерѣ,
 Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
 Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
 Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
 Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
 Здѣсь описать его нарядъ;
 Конечно бѣ это было смѣло,
 Описывать мое же дѣло:
 Но панталоны, фракъ, жилетъ,
 Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ;
 А вижу я, винюсь предъ вами,

⁶ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyois rien, je commencai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instans à remplir de blanc les creux de sa peau.
 (Confessions de J. J. Rousseau.)

Гримъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистить ногти особенною щеткой.

Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Песпрѣтъ гораздо меньше бѣ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не по въ предметъ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда спремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ,
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усыанъ площадками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ спрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣтъ устала;
Толпа мазуркой занята;
Крутомъ и шумъ, и тѣснота;
Брянчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрыпокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:

Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги;
 Прошу мою замѣтитъ рѣчь:
 Я васъ хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, поспроже
 За дочерьями смотрите вслѣдъ:
 Держите прямо свой лорнетъ!
 Не по . . . не по избави, Боже!
 Я это потому пишу,
 Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
 Я много жизни потубилъ!
 Но если бѣ не страдали нравы,
 Я балы бѣ до сихъ поръ любилъ.
 Люблю я бѣшеную младость,
 И тѣсноту, и блескъ, и радость,
 И дамъ обдуманнѣй нарядъ;
 Люблю ихъ ножки: только врьдъ
 Найдете вы въ Россіи цѣлой
 Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
 Ахъ, долго я забыть не могъ
 Двѣ ножки ! . . . Грустный, охладѣлой,
 Я все ихъ помню, и во снѣ
 Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
 Безумецъ, ихъ забудешь ты?
 Ахъ, ножки, ножки! Гдѣ вы нынѣ?
 Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
 Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
 На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
 Вы не оставили слѣдовъ:
 Любили мягкихъ вы ковровъ
 Роскошное прикосновенье.
 Давноль для васъ я забывалъ
 И жажду славы, и похвалъ,

И край отцевъ, и започенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ —
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугунѣ камина,
На зеркальномъ паркеть заль,
У моря на гранитѣ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средъ пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,

И ножку чувствую въ рукахъ ;
 Опять кипитъ воображенье,
 Опять ея прикосновенье
 Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
 Опять тоска, опять любовь...
 Но полно прославлять надменныхъ
 Болтливой лирою своей:
 Онѣ не стоятъ ни страстей,
 Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
 Слова и взоръ волшебницъ сихъ
 Обманчивы какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
 Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ:
 А Петербургъ неутомонный
 Ужъ барабаномъ пробуждѣнъ.
 Встаютъ купецъ, идетъ разнощикъ,
 На биржу тянется извощикъ,
 Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
 Подъ ней снѣгъ упренный хруститъ.
 Проснулся утра шумъ пріятный,
 Открыты ставни, трубный дымъ
 Столбомъ восходитъ голубымъ,
 И хлѣбникъ, Нѣмецъ акуратный,
 Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
 Ужъ отворялъ свой васисдасъ.

XXXVI.

Но шумомъ бала утомленной,
 И утро въ полночь обратя,
 Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
 Забавъ и роскоши дитя.
 Проснется за полдень, и снова
 До утра жизнь его готова,
 Однообразна и пестра,
 И завтра тоже, что вчера.
 Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
 Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъъ,
 Среди блистательныхъ побѣдъ,
 Среди всеневныхъ наслажденій?

Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли:
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ:
Измѣны упоминуть успѣли;
Друзья и дружба надѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Спразбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острия слова,
Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинець.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный Англійскому сплину,
Короче: Русская хандра
Имъ овладѣла по немногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ:
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ Child-Horald, упрямый, томный
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XII.

.....
.....
.....

XII.

Причудницы большаго свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій понъ.
 Хоть, можетъ быть, иная дама
 Толкуеть Сея и Бенпама;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Несносный, хоть невинный вздоръ.
 Къ тому жъ онъ такъ непорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,
 Такъ неприступны для мужчинъ,⁷
 Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинъ⁷.

XIII.

И вы, красотки молодя,
 Которыхъ позднею порой
 Уносятъ дрожки удалыя
 По Петербургской мостовой,
 И васъ покинулъ мой Евгений.
 Отступникъ бурныхъ наслажденій,
 Онѣгинъ дома заперся,
 Зѣвая, за перо взялся,
 Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
 Ему былъ тошенъ; ничего
 Не вышло изъ пера его,
 И не попалъ онъ въ цехъ задорный
 Людей, о коихъ не сужу,
 Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XIV.

И снова преданный бездѣлю,
 Томясь душевной пустотой

⁷ Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалить Лудовика XIV. Наши дамы соединяють просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнившею Г-жу Сталь. (См. Dix ans d'exil.)

Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
 Себѣ присвоить умъ чужой;
 Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
 Читаль, читаль, а все безъ толку:
 Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
 Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
 На всѣхъ различныя вериги ;
 И устарѣла старина,
 И старымъ бредить новизна.
 Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
 И полку, съ пыльной ихъ семьей,
 Задернулъ праурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
 Какъ онъ отставъ отъ суеты,
 Съ нимъ подружился я въ то время.
 Мнѣ нравились его черты,
 Мечтамъ невольная преданность,
 Неподражательная странность
 И рѣзкій, охлажденный умъ.
 Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизнь обоихъ насъ;
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
 Обоихъ ожидала злота
 Слѣпой Фортуны и людей
 На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслить, тотъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто чувствовалъ, того превозжитъ
 Призракъ не возвратимыхъ дней:
 Тому ужъ нѣтъ очарованій,
 Того змѣя воспоминаній,
 Того раскаянье грызетъ.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онѣгина языкъ
 Меня смущалъ; но я привыкъ

Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою ,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!

⁸ Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

«Вотъ ночь: но не меркнуть златистыя полосы облакъ.
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность,
На взморѣ далекомъ сребристыя видны вѣтрила
Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
Сіяньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока:
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ иногда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва стѣняются русыми локонь волнами.
Тогда надъ Невою и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончить,
И пѣсни заводить, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть на Невскія тундры;
Роса опустилась;
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячею весель,
Нева не колыхнетъ; разѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо:
Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою,
Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчится деревни,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ»

Какъ въ лѣсъ зеленый изъ пюръмы
 Перенесенъ колодникъ сонной
 Такъ уносились мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
 И опершися на гранитъ,
 Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
 Какъ описалъ себя Пійтъ⁹.
 Все было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые ;
 Да дрожекъ отдаленный стукъ
 Съ Мильонной раздавался вдругъ;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей рѣкѣ:
 И насъ плѣняли вдалекъ
 Рожекъ и пѣсня удалая.
 Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
 Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны,
 О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
 И, вдохновенъ снова полный,
 Услышу вашъ волшебный гласъ!
 Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
 По гордой лирѣ Альбіона
 Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
 Ночей Италіи златой
 Я нѣгой наслажусь на волѣ;
 Съ Венеціанкою молодой,
 То говорливой, то нѣмой,
 Плыва въ таинственной гондолѣ, —
 Съ ней обрѣтутъ уста мои
 Языкъ Петрарки и любви.

⁹ Въявъ богиню благосклонну
 Зрить восторженный пійтъ,
 Что проводитъ ночь безсонну,
 Опершися на гранитъ. (Муравьевъ. Богинѣ Невы).

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
 Пора, пора! — взываю къ ней;
 Брожу надъ моремъ ¹⁰, жду погоды,
 Маню въприла кораблей.
 Подъ ризой бурь, съ волнами спора,
 По вольному распутью моря
 Когдажъ начну я вольный бѣгъ?
 Пора покинуть скучный брегъ
 Мнѣ непріязненной стихіи,
 И средь полуденныхъ зыбей,¹¹
 Подъ небомъ Африки моей,
 Вдыхать о сумрачной Россіи,
 Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
 Гдѣ сердце я похоронилъ.

II.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
 Увидѣть чуждыя страны;
 Но скоро были мы судьбою
 На долгій срокъ разведены.
 Отецъ его тогда скончался.
 Передъ Онѣгинымъ собрался
 Заимодавцевъ жадный полкъ.
 У каждаго свой умъ и толкъ:
 Евгеніи, тяжбы ненавдя,
 Довольный жребіемъ своимъ,
 Наслѣдство предоставилъ имъ,
 Большой потери въ томъ не видя,
 Иль предузнавъ изъ далека
 Кончину дяди старика.

III.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
 Отъ управителя докладъ,
 Что дядя при смерти въ постелѣ
 И съ нимъ проститься былъ бы радъ.

¹⁰ Писано въ Одессѣ.

¹¹ См. первое изданіе Евгенія Онѣгина.

Прочтя печальное посланье,
Евгеній потчасъ на свиданье
Спремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣ зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашель ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

III.

Нашель онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойному со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на чтонибудь.

IV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болъ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рождёнъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
 Живѣе творческіе сны.
 Досугамъ посвящаясь невиннымъ,
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И far niente мой законъ.
 Я каждымъ утпромъ пробуждёнъ
 Для сладкой нѣги и свободы:
 Читаю мало, много сплю,
 Летучей славы не ловлю.
 Не такъ ли я въ былые годы
 Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши
 Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
 Поля! я преданъ вамъ душой.
 Всегда я радъ замѣтить разность
 Между Онѣгинымъ и мной,
 Чтобы насмѣшливый читатель,
 Или какой нибудь издатель
 Замысловатой клеветы,
 Сличая здѣсь мои черты,
 Не повторялъ потомъ безбожно,
 Что намаралъ я свой портретъ,
 Какъ Байронъ, гордости поэтъ, —
 Какъ будто намъ ужъ невозможно
 Писать поэмы о другомъ,
 Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
 Любви мечпательной друзья.
 Бывало, милые предметы
 Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ Муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣвалъ

И дѣву горь, мой идеаль,
 И плѣнницъ береговъ Салгира.
 Теперь отъ васъ, мои друзья,
 Вопросъ не рѣдко слышу я:
 «О комъ твоя вздыхаетъ лира?
 «Кому, въ полпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 «Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
 «Умильной лаской наградила
 «Твое задумчивое пѣнье?
 «Кого твоей стихъ боготворилъ?» —
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку рифмъ: онъ пѣмъ удвоилъ
 Поэзии священный бредъ,
 Петраркѣ шествуя во слѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу между пѣмъ;
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась Муза,
 И прояснился темный умъ.
 Свободенъ, вновь ищу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
 Пишу, и сердце не тоскуетъ;
 Перо, забывшись, не рисуетъ,
 Близъ неоконченныхъ стиховъ,
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
 Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ
 Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
 И скоро, скоро бури слѣдъ
 Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:
 Тогда-то я начну писать
 Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

IX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
 И какъ героя назову.
 Покамѣсть моего романа
 Я кончилъ первую главу;
 Пересмотрѣлъ все это строго:
 Противорѣчій очень много,
 Но ихъ исправить не хочу.
 Ценсурѣ долгъ свой заплачу,
 И журналистамъ на съѣденѣ
 Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
 Иди же къ Невскимъ берегамъ,
 Новорожденное творенье!
 И заслужи мнѣ славы дань —
 Кривые толки, шумъ и брань.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О рус!

Нор.

О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
 Была прелестный уголокъ;
 Тамъ друпъ невинныхъ наслажденій
 Благословить бы Небо могъ.
 Господскій домъ, уединенный,
 Горой отъ вѣтровъ огражденный,
 Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
 Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
 Луга и нивы золотыя.
 Мелькали села здѣсь и тамъ,
 Стада бродили по лугамъ
 И сѣни расширялъ густыя
 Огромный, запущенный садъ,
 Приютъ задумчивыхъ Дріадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построень,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно прочень и спокоень,
Во вкусь умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостинной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ израсцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю, право, почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый.
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмага года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить
Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;

Мужикъ судьбу благословилъ.
 За то въ утлу своемъ надулся,
 Увидя въ этомъ страшный вредъ,
 Его расчетливый сосѣдъ.
 Другой лукаво улыбнулся,
 И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
 Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали,
 Но такъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему Донскаго жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышатъ ихъ домашни дроги: —
 Поступкомъ оскорбясь такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
 «Онъ фармасонъ; онъ пьетъ одно
 «Стаканомъ красное вино;
 «Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 «Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ
 «Иль нѣтъ-съ.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,
 И столь же строгому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо Геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
 Еще увянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣта
 Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
 Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда:
 Его лелѣяла надежда,
 И міра новый блескъ и шумъ
 Еще плѣняли юный умъ.
 Онъ забавлялъ мечтою сладкой
 Сомнѣнья сердца своего.
 Цѣль жизни нашей для него
 Была заманчивой загадкой;
 Надъ ней онъ голову ломалъ,
 И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
 Соединиться съ нимъ должна;
 Что, безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждетъ она;
 Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
 За честь его принять оковы,
 И что не дрогнетъ ихъ рука
 Разбить сосудъ клеветника:
 Что есть избранныя судьбою

.....

IX.

Негодованье, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь,
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтъ;
 Подъ небомъ Шиллера и Гете,
 Ихъ поэтическимъ огнемъ

Душа воспламенилась въ немъ.
 И Музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь его была ясна,
 Какъ мысли дѣвы простодушной,
 Какъ сонъ младенца, какъ луна
 Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
 Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
 И нѣчто, и туманну даль,
 И романтическія розы;
 Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
 Гдѣ долго въ лоно тишины
 Лились его живыя слѣзы;
 Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъъ,
 Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
 Могъ оцѣнить его дары,
 Господь содѣственниковъ селеній
 Ему не нравились пиры;
 Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
 Ихъ разговоръ благоразумной
 О сѣнокосѣ, о винѣ,
 О псарнѣ, о своей роднѣ,
 Конечно не блисталъ ни чувствомъ,
 Ни поэтическимъ огнѣмъ,
 Ни острою, ни умомъ,
 Ни общежитія искусствомъ;
 Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
 Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
 Вездѣ былъ принять какъ женихъ:
 Таковъ обычай деревенскій;
 Всѣ дочекъ прорчили своихъ
 За полурусскаго сосѣда;
 Взойдетъ ли онъ — потчасъ бесѣда
 Заводитъ слово стороной
 О скукъ жизни холостой;
 Зовутъ сосѣда къ самовару,
 А Дуня разливаеъ чай,
 Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
 Потомъ приносятъ и гитару:
 И запищитъ она (Богъ мой!):
 Приди въ чертогъ ко мнѣ златой !... ¹²

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
 Охоты узы брака несть,
 Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
 Знакомство покороче свестъ.
 Они сошлись: волна и камень,
 Стихи и проза, ледъ и пламень
 Не столь различны межъ собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они другъ другу были скучны;
 Потомъ понравились; потомъ
 Съѣзжались каждый день верхомъ,
 И скоро стали неразлучны.
 Такъ люди — первый каюся я —
 Отъ дѣлать нечего — друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ ними;
 Всѣ предразсудки истребя,
 Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
 А единицами — себя;
 Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны:

¹² Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

Двуногихъ тварей миллионы
 Для насъ орудіе одно;
 Намъ чувство дико и смѣшно.
 Сноснѣ многихъ былъ Евгений;
 Хоть онъ людей конечно зналъ,
 И вообще ихъ презиралъ;
 Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
 Иныхъ онъ очень отличалъ,
 И вчужь чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
 Поэта пылкій разговоръ,
 И умъ, еще въ сужденяхъ зыбкой,
 И вѣчно вдохновенный взоръ —
 Онѣгину все было ново;
 Онъ охладительное слово
 Въ устахъ старался удержать,
 И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
 Его минутному блаженству;
 И безъ меня пора придетъ;
 Пускай покамѣстъ онъ живетъ
 Да вѣритъ міра совершенству;
 Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
 И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
 И къ размышленію влекло:
 Племеньъ минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизнь въ свою череду,
 Все подвергалось ихъ суду.
 Поэтъ въ жару своихъ сужденій
 Читалъ, забывшись, между тѣмъ
 Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
 И снисходительный Евгений,
 Хоть ихъ не много понималъ,
 Прилѣжно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженный тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной пишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ станоятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы : —
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилѣжный
Расказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость,
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдъ любя,

Поэтъ высказывалъ себя,
 Свою довѣрчивую совѣсть
 Онъ простодушно обнажалъ.
 Евгенийъ безъ труда узналъ
 Его любви младую повѣсть,
 Обильный чувствами расказъ.
 Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
 Уже не любятъ; какъ одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена:
 Всегда, вездѣ одно мечтанье,
 Одно привычное желанье,
 Одна привычная печаль!
 Ни охлаждающая даль,
 Ни долгія лѣта разлуки,
 Ни музамъ данные часы,
 Ни чужеземныя красы,
 Ни шумъ веселій, ни науки
 Души не измѣнили въ немъ,
 Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
 Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
 Онъ былъ свидѣтель умиленный
 Ея младенческихъ забавъ;
 Въ тѣни хранительной дубравы
 Онъ раздѣлялъ ея забавы,
 И дѣтямъ прочили вѣнцы
 Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
 Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
 Невинной прелести полна,
 Въ глазахъ родителей, она
 Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
 Незнаемый въ травѣ глухой,
 Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
 Младыхъ восторговъ первый сонъ,
 И мысль объ ней одушевила
 Его цѣвницы первый стонъ.
 Простите, игры золотыя!
 Онъ роци полюбилъ густыя,
 Уединенье, тишину,
 И ночь, и звѣзды, и луну —
 Луну, небесную лампаду,
 Которой посвящали мы
 Прогулки средь вечерней тмы,
 И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
 Но нынѣ видимъ только въ ней
 Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
 Всегда какъ утро весела,
 Какъ жизнь поэта простодушна,
 Какъ поцѣлуй любви мила,
 Глаза какъ небо голубые,
 Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голосъ, легкій станъ,
 Все въ Ольгѣ.... но любой романъ
 Возмите, и найдете вѣрно
 Ея портретъ: онъ очень милъ;
 Я прежде самъ его любилъ,
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
 Позвольте мнѣ, читатель мой,
 Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...¹³
 Впервые именемъ такимъ
 Страницы нѣжныя романа

¹³ Сладкозвучнѣйшія Греческія имена, каковы, напримѣръ: Агаѳонъ, Филагъ, Ѳедора, Ѳекла и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

Мы своевольно освятимъ.
 И что жъ? оно пріятно, звучно,
 Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
 Воспоминанье старины
 Иль дѣвичей. Мы всѣ должны
 Признаться, вкуса очень мало
 У насъ и въ нашихъ именахъ
 (Не говоримъ ужъ о стихахъ);
 Намъ просвѣщенье не пристало,
 И намъ досталось отъ него
 Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,
 Ни свѣжестью ея румяной,
 Не привлекла бъ она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная боязлива,
 Она въ семьѣ своей родной
 Казалась дѣвочкой чужой.
 Она ласкаться не умѣла
 Къ отцу, ни къ матери своей;
 Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
 Играть и прыгать не хотѣла,
 И часто, цѣлый день одна,
 Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
 Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
 Теченье сельскаго досуга
 Мечтами украшала ей.
 Ея изнѣженные пальцы
 Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
 Узоромъ шелковымъ она
 Не оживляла полотна.
 Охоты властвовать примѣта:
 Съ послушной куклою, дитя
 Приготавливается шутя
 Къ приличію, закону свѣта,

И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; странные рассказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкой лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ въпренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При опуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли всё;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона и Руссо.

Отецъ ея былъ добрый малый,
 Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый;
 Но въ книгахъ не видалъ вреда;
 Онъ, не читая никогда,
 Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
 И не заботился о томъ,
 Какой у дочки тайный томъ
 Дремалъ до утра подъ подушкой,
 Жена жъ его была сама
 Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
 Не потому, чтобы прочла,
 Не потому, чтобъ Грандисона¹⁴
 Она Ловласу предпочла;
 Но встарину, Княжна Алина,
 Ея Московская кузина,
 Твердила часто ей объ нихъ.
 Въ то время былъ еще женихъ
 Ея супругъ; но по неволѣ;
 Она вздыхала по другомъ,
 Который сердцемъ и умомъ
 Ей нравился гораздо болѣ;
 Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
 Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта,
 Всегда по модѣ и къ лицу.
 Но не спросясь ея совѣта,
 Дѣвицу повезли къ вѣнцу,
 И чтобъ ея разсѣять горе,
 Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
 Въ свою деревню, гдѣ она,
 Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
 Рвалась и плакала сначала,
 Съ супругомъ чуть не развелась;

¹⁴ Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

Потомъ хозяйствомъ занялась,
 Привыкла и довольна стала.
 Привычка свыше намъ дана:
 Замѣна счастья она.

XXXII.

Привычка усладила горе,
 Неотразимое ничѣмъ;
 Открытіе большое вскорѣ
 Ее утѣшило совсѣмъ.
 Она межъ дѣломъ и досугомъ
 Открыла тайну, какъ супругомъ
 Единовластно управлять,
 И все тогда пошло на стартъ.
 Она ѣзжала по работамъ,
 Солила на зиму грибы,
 Вела расходы, брила лбы,
 Ходила въ баню по субботамъ,
 Служанокъ била осердясь —
 Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
 Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
 Звала Полиною Прасковью,
 И говорила на распѣвъ;
 Корсетъ носила очень узкій,
 И Руской Н какъ N Французскій
 Произноситъ умѣла въ носъ;
 Но скоро все перевелось:
 Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
 Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
 Она забыла — стала звать
 Акулькой прежнюю Селину,
 И обновила наконецъ
 На ватъ шлафоръ и чепецъ.

¹⁵ Si j'avois la folie de croire encore fu bonheur, je le chercherois dans l'habitude. (Шатобрианъ).

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
 Въ ея затѣи не входилъ,
 Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
 А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
 Покойно жизнь его капилась;
 Подъ вечеръ иногда сходилась
 Сосѣдей добрая семья,
 Нецеремонные друзья,
 И потужить, и позлословить,
 И посмѣяться кой о чемъ.
 Проходитъ время; между тѣмъ
 Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
 Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
 И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
 Привычки милой старины;
 У нихъ на масляницѣ жирной
 Водились Русскіе блины.

.....

Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ
 И за столомъ у нихъ гостямъ
 Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
 И отворились наконецъ
 Передъ супругомъ двери гроба,
 И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
 Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
 Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
 Дѣтьми и вѣрною женой,

Чистосердечнѣй чѣмъ иной.
 Онъ былъ простой и добрый баринъ,
 А тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
 Надгробный памятникъ гласитъ:
 Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
 Господній рабъ и бригадиръ
 Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
 Владиміръ Ленскій поспѣшилъ
 Сосѣда памятникъ смиренный,
 И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
 И долго сердцу грустно было.
 «Poor Yorick!»¹⁶ молвилъ онъ уныло,
 «Онъ на рукахъ меня держалъ.
 «Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
 «Его Очаковской медалью!
 «Онъ Ольгу прочилъ за меня,
 «Онъ говорилъ: дождусь ли дня?...»
 И полный искренней печалью,
 Владиміръ тутъ же начерталъ
 Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
 Отца и матери, въ слезахъ,
 Почтилъ онъ прахъ паптіархальной....
 Увы! на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жатвой, поколѣнья,
 По тайной волѣ Провидѣнья,
 Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
 Другія имъ во слѣдъ идутъ....
 Такъ наше вѣтренное племя
 Растетъ, волнуется, кипитъ
 И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
 Придетъ, придетъ и наше время,
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра выпѣснятъ и насъ!

¹⁶ Бѣдный Юриксъ! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута.
 (См. Шекспира и Стёрна).

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно мѣръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце пронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Лептѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то былъ Поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Elle était fille, elle était amoureuse.

Malfilâtre.

I.

— «Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»
 — «Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.»
 — «Я не держу тебя; но гдѣ ты
 Свои проводишь вечера?»
 — «У Лариныхъ.» — «Вотъ это чудно.
 Помилуй! и тебѣ не трудно
 Такъ каждый вечеръ убивать!»
 — «Ни мало.» — «Не могу понять.
 Отсель вижу, что такое:
 Во-первыхъ — слушай, правъ ли я? —
 Простая, Русская семья,
 Къ гостямъ усердіе большое,
 Варенье, вѣчный разговоръ
 Про дождь, про лень, про скотный дворъ...»

II.

— «Я путь еще бѣды не вижу.»
 — «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
 — «Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
 Милѣ мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу...» — «Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленской, да не лѣзя ль
 Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
 Предметъ и мыслей, и пера,
 И слезъ, и рифмъ et cetera?
 Представь меня. » — «Ты шутишь.» — «Нѣту.»
 — «Я радъ.» — «Когда же?» — «Хоть сей часъ.
 Онѣ съ охотой примутъ насъ.»

III.

Поѣдемъ.» —
 Поскакали други,

Явились; имъ расточены
 Порой тяжелья услуги
 Гостеприимной старины.
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несутъ на блюдечкахъ варенья,
 На столикъ ставятъ вощаной
 Кувшинъ съ брусничною водой.

.....

IV.

Они дорогой самой краткой ¹⁷
 Домой летятъ во весь опоръ.
 Теперь подслушаемъ украдкой
 Героевъ нашихъ разговоръ.
 — «Ну что жъ, Онѣгинъ? ты зѣваешь.»
 — «Привычка, Ленскій.» — «Но скучаешь
 Ты какъ-то больше.» — «Нѣтъ, равно.
 Однако въ полѣ ужъ темно;
 Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
 Какія глупыя мѣста!
 А, кстати: Ларина проста,
 Но очень милая старушка;
 Боюсь: брусничная вода
 Мнѣ не надѣлала бъ вреда.

V.

Скажи: котоя Татьяна?»
 — «Да та, котоя, грустна
 И молчалива какъ Свѣплана,
 Вошла и сѣла у окна.»
 — «Не ужъ-то ты влюбленъ въ меньшую?»

¹⁷ Въ прежнемъ изданіи вмѣсто домой летятъ, было ошибкою напечатано зимой летятъ (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

— «А что?» — «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точъ въ точъ въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.» —
Владимиръ сухо отвѣчалъ
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой,
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колецъ не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизяснимою отрадой
Невольнo думала о томъ;
И въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Старая нѣгой и поскою,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала. . . кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала: это онъ!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркій, одинокій сонъ,
 Все полно имъ : все дѣвъ милой
 Безъ умолку волшебной силой
 Твердитъ о немъ. Докучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,
 И взоръ заботливой прислуги.
 Въ уныніе погружена,
 И прокликаетъ ихъ досуги,
 Ихъ неожиданный прїѣздъ
 И продолжительный присѣсть.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
 Читаетъ сладостный романъ,
 Съ какимъ живымъ очарованьемъ
 Пьетъ обольстительный обманъ!
 Счастливой силою мечтанья
 Одушевленныя созданья,
 Любовникъ Юліи Вольмаръ,
 Малекъ-Адель и де Линаръ,
 И Вертеръ, мученикъ мятежной,
 И неподобный Грандисонъ,¹⁸
 Который намъ наводитъ сонъ,
 Всѣ для мечтательницы нѣжной
 Въ единый образъ облеклись,
 Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
 Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
 Кларисой, Юліей, Дельфиной,
 Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ

¹⁸ Юлія Вольмаръ, новая Элоиза, Малекъ-Адель, герой посредственнаго романа М-е Cottin. Густавъ де Линоръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюднеръ.

Одна съ опасной книгой бродитъ,
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя. . . .
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманъ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романъ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперъ ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачной,
Иль вѣчный жидъ, или Корсаръ,

Или таинственный Сбогарь.¹⁹
 Лордъ Байронъ прихотью удачной
 Облекъ въ унылый романпизмъ
 И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
 Быть можетъ, волею Небесъ,
 Я перестану быть поэтомъ,
 Въ меня вселится новый бѣсъ,
 И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
 Унижусь до смиренной прозы:
 Тогда романъ на старый ладъ
 Займетъ веселый мой закатъ.
 Не муки тайныя злодѣйства
 Я грозно въ немъ изображу,
 Но просто вамъ перескажу
 Преданья Русскаго семейства.
 Любви плѣнительные сны,
 Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
 Отца иль дяди старика,
 Дѣтей условенныя встрѣчи
 У старыхъ липъ, у ручейка;
 Несчастной ревности мученья,
 Разлуку, слезы примиренья,
 Поссорю вновь, и наконецъ
 Я поведу ихъ подъ вѣнецъ. . .
 Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
 Слова поскующей любви,
 Которыя въ минувши дни
 У ногъ любовницы прекрасной
 Мнѣ приходили на языкъ,
 Отъ коихъ я теперъ отвѣкъ.

¹⁹Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмогъ, гениальное произведение Матюрина. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперъ я слезы лью;
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садѣ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣ ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

— «Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— «Что, Таня, что съ тобой?» — «Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— «О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ, памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ

Про злыхъ духовъ и про дѣвиць;
 А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
 Что знала, то забыла. Да,
 Пришла худая череда!
 Зашибло.....» — « Расскажи мнѣ, няня,
 Про ваши старые года:
 Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— «И, полно, Таня ! Въ эти лѣта
 Мы не слыхали про любовь;
 А то бы согнала со свѣта
 Меня покойница свекровь.»
 — «Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
 — «Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
 Моложе былъ меня, мой свѣпъ,
 А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Благословилъ меня отецъ.
 Я горько плакала со страха;
 Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
 Да съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую. . . .
 Да ты не слушаешь меня...»
 — « Ахъ, няня, няня, я тоскую,
 Мнѣ тошно, милая моя:
 Я плакать, я рыдать готова!....»
 — «Дитя мое, ты нездорова;
 Господь помилуй и спаси!
 Чего ты хочешь, попроси....
 Дай окроплю святой водою,
 Ты вся горишь. . . » — « Я не больна;
 Я. . . знаешь, няня, . . . влюблена.»
 — « Дитя мое, Господь съ тобою!» —
 И няня дѣвушку съ мольбой
 Крестила дряхлою рукой.

XX.

— «Я влюблена,» шептала снова
 Старушкѣ съ горестью она.
 — «Сердечный другъ, ты нездорова,
 — «Оставь меня: я влюблена.» —
 И между тѣмъ луна сіяла
 И темнымъ свѣтомъ озаряла
 Татьяна блѣдныя красы,
 И распущенныя власы,
 И капли слезъ, и на скамейкѣ
 Предъ героиней молодой,
 Съ платкомъ на головѣ съдой,
 Старушка въ длинной пѣлогрѣйкѣ;
 И все дремало въ тишинѣ
 При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
 Татьяна, смотря на луну. . . .
 Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась. . . .
 — «Поди, оставь меня одну.
 Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
 Да столъ подвинь: я скоро лягу;
 Прости.» И вотъ она одна.
 Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
 Облокотясь, Татьяна пишетъ,
 И все Евгений на умѣ,
 И въ необдуманномъ письмѣ
 Любовь невинной дѣвы дышетъ.
 Письмо готово, сложено . . .
 Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
 Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
 Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
 Непостижимыхъ для ума;
 Дивился я ихъ спѣси модной,
 Ихъ добродѣтели природной,
 И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,

И, мнится, съ ужасомъ читалъ
 Надъ ихъ бровями надпись ²⁰ада:
 Оставь надежду навсегда.
 Внушать любовь для нихъ бѣда,
 Пугать людей для нихъ отрада.
 Быть можетъ, на брегахъ Невы
 Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
 Другихъ причудницъ я видалъ,
 Самолюбиво равнодушныхъ
 Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
 И что жъ нашель я съ изумленьемъ?
 Онъ суровымъ поведеньемъ
 Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умѣли вновь,
 По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ,
 По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
 Казался иногда важней,
 И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
 Опять любовникъ молодой
 Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
 За то ль, что въ милой простотѣ
 Она не вѣдаетъ обмана
 И вѣритъ избранной мечтѣ?
 За то ль, что любить безъ искусства,
 Послушная влеченью чувства,
 Что такъ довѣрчива она,
 Что отъ Небесъ одарена
 Воображеніемъ мятежнымъ,
 Умомъ и волею живой,
 И своенравной головой,
 И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?

²⁰ Lasciate ogni speranza voi ch' ntrate. Скромный Авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судитъ хладнокровно,
Татьяна любитъ не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ малое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣ въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнѣмъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-Руски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ писала по-Французски. . .
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-Руски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить

Съ Благонамѣреннымъ ²¹ въ рукахъ!
 Я шлюсь на насъ, мои поэты,
 Не правда ль: милые предметы,
 Которымъ, за свои грѣхи,
 Писали втайнѣ вы стихи,
 Которымъ сердце посвящали,
 Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
 Владѣя слабо и съ трудомъ,
 Его такъ мило искажали,
 И въ ихъ устахъ языкъ чужой
 Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
 Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
 Съ семинаристомъ въ желтой шаль
 Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!
 Какъ устѣ румяныхъ безъ улыбки,
 Безъ грамматической ошибки
 Я Русской рѣчи не люблю.
 Быть можетъ, на бѣду мою,
 Красавицъ новыхъ поколѣнье,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ Грамматикѣ приучить насъ;
 Стихи введутъ въ употребленье:
 Но я какое дѣло мнѣ?
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
 Неточный выговоръ рѣчей,
 По прежнему сердечный трепетъ
 Произведутъ въ груди моей;
 Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
 Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
 Какъ прошлой юности грѣхи,
 Какъ Богдановича стихи.

²¹ Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся предъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

Но полно. Мнѣ пора заняться
 Письмомъ красавицы моей;
 Я слово далъ, и что жъ? ей ей
 Теперь готовъ ужъ отказаться.
 Я знаю: нѣжнаго Парни
 Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной, ²²
 Когда бъ еще ты былъ со мной,
 Я сталъ бы просьбою нескромной
 Тебя превозжить, милый мой:
 Чтобъ на волшебные напѣвы
 Переложилъ ты страстной дѣвы
 Иноплеменные слова.
 Гдѣ ты? приди: свои права
 Передаю тебѣ съ поклономъ. . . .
 Но посреди печальныхъ скалъ,
 Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
 Одинъ, подъ Финскимъ небосклономъ,
 Онъ бродитъ, и душа его
 Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
 Его я свято берегу,
 Читаю съ тайною тоскою
 И начитаться не могу.
 Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
 И словъ любезную небрежность?
 Кто ей внушалъ умильный взоръ,
 Безумный сердца разговоръ
 И увлекательный, и вредный?
 Я не могу понять. Но вотъ
 Неполный, слабый переводъ,
 Съ живой картины списокъ бѣдный,
 Или разыгранный Фрейшицъ
 Перстами робкихъ ученицъ:

²² Е. А. Баратынский.

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

«Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣнъемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать обѣ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,
А мы ничѣмъ мы не блеснимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья,
Я никогда не знала бѣ васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.
«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ побой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,

Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня помилъ,
Въ душѣ твоей голосъ раздавался
Давно ... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой усаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ, мелкнулъ,
Прникнулъ тихо къ изголовью!
Не ты ль, съ отравой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ побою слезы лью,
Твоей защиты умоляю
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ,
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончая! страшно перечестъ
Стыдомъ и страхомъ, замираю
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...» —

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
 Письмо дрожитъ въ ея рукъ;
 Облатка розовая сохнетъ
 На воспаленномъ языкѣ.
 Къ плечу головушкой склонилась.
 Сорочка легкая спустилась
 Съ ея прелестнаго плеча.
 Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
 Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
 Засеребрился: тамъ рожокъ
 Пастушій будитъ селянина.
 Вотъ утро; встали всѣ давно:
 Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
 Сидитъ съ поникшею главой
 И на письмо не напираетъ
 Своей печати вырѣзной.
 Но, дверь тихонько отпирая,
 Ужъ ей Филапьевна сѣдая
 Приноситъ на поднось чай.
 — «Пора, дитя мое, вставай:
 Да ты, красавица, готова!
 О, пташка ранняя моя!
 Вечоръ ужъ какъ боялась я!
 Да, слава Богу, ты здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣтъ,
 Лице твое какъ маковъ цвѣтъ.»

XXXIV.

— «Ахъ! няня, сдѣлай одолженъе»
 — «Изволь, родная, прикажи.»
 — «Не думай... право ... подозрѣнъе ..,
 Но видишь ... Ахъ! не откажи.»
 — «Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.»
 — «И такъ пошли тихонько внука
 Съ запиской этой къ О....къ тому...
 Къ сосѣду.... да велѣть ему —

Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чтобъ онъ не называлъ меня...»
 — «Кому-же, милая моя?
 Я нынче стала безтолкова.
 Кругомъ сосѣдей много есть —
 Куда мнѣ ихъ и перечестъ.»

XXXV.

— «Какъ недогадлива ты, няня!»
 — «Сердечный другъ, ужъ я стара,
 Стара; пупѣть разумъ, Таня;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской воли...»
 — «Ахъ, няня, няня! до того ли?
 Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?
 Ты видишь, дѣло о письмѣ
 Къ Онѣгину.» — «Ну дѣло, дѣло.
 Не гнѣвайся, душа моя,
 Ты знаешь, непонятна я...
 Да что жъ ты снова поблѣднѣла?»
 — «Такъ, няня, право ничего.
 Пошли же внука своего.» —

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
 Другой настала: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
 Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
 Приѣхалъ Ольгинъ обожатель.
 — «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
 Ему вопросъ хозяйки былъ:
 «Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
 Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
 — «Сегодня быть онъ обѣщалъ.»
 Старушкѣ Ленской отвѣчала:
 «Да, видно, почта задержала.» —
 Татьяна потупила взоръ,
 Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столъ, блистая,
 Шипѣлъ вечерній самоваръ,
 Китайскій чайникъ нагрѣвая;
 Подъ нимъ клубился легкій паръ.
 Разлитый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною струею
 Уже душистый чай бѣжалъ,
 И сливки мальчикъ подавалъ;
 Татьяна предъ окномъ стояла,
 На стекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа,
 Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На опуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель: О да Е.

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней ныла,
 И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
 Вдругъ топоть!... кровь ея застыла,
 Вотъ ближе! скачуть,.. и на дворъ
 Евгений! «Ахъ!» — и легче тѣни
 Татьяна прыгъ въ другія сѣни
 Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ
 Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
 Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,
 Кусты сиренъ переломала,
 По цвѣтникамъ летя къ ручью
 И задыхаясь, на скамью

XXXIX.

Упала...
 «Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!
 О Боже! что подумалъ онъ!» —
 Въ ней сердце, полное мученій,
 Хранитъ надежды темный сонъ;
 Она дрожитъ и жаромъ пышитъ,
 И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышитъ.

Въ саду служанки, на грядяхъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!)

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.» —

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепеть сердца въ ней запихъ,
Чтобы прошло ланить пыланье.
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланить,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго спрѣлка.

XII.

Но наконецъ она вздохнула
 И встала со скамьи своей;
 Пошла, но только повернула
 Въ аллею; — прямо передъ ней,
 Блистая взорами, Евгений
 Стоить подобно грозной тѣни,
 И какъ огнемъ обожжена
 Остановилася она.
 Но слѣдствія неожиданой встрѣчи
 Сегодня, милые друзья,
 Пересказать не въ силахъ я;
 Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
 И погулять и отдохнуть:
 Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.

Necker.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
 Тѣмъ легче нравимся мы ей,
 И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
 Средь обольстительныхъ сѣтей.
 Развратъ, бывало, хладнокровной
 Наукой славился любовной,
 Самъ о себѣ вездѣ трубя,
 И наслаждаясь не любя.
 Но эта важная забава
 Достойна старыхъ обезьянъ
 Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ:
 Ловласовъ обветшала слава
 Со славой красныхъ каблуковъ
 И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцатѣлѣтъ!
Кого не упомянуть угрозы,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгений.
Окъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблуждений
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ навремя очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно помимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ — радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость

На вистъ вечерній прїѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо пронуть былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмущилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуточку овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: — «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненьѣ привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ сѣмейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То, вѣрно бъ, кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блеспокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я, вѣрно бъ, васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостойнъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю топчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не пронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу, однако жъ, проклиная),
Всегда нахмурень, молчаливъ,

Сердитъ и холодно-ревнивъ!
 Таковъ я. И того ль искали
 Вы чистой, пламенной душой,
 Когда съ такою простотой,
 Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
 Ужели жребій вамъ такой
 Назначенъ строгаю судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата:
 Не обновлю души моей...
 Я васъ люблю любовью брата
 И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
 Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
 Смѣнитъ не разъ младая дѣва
 Мечтами легкія мечты;
 Такъ деревцо свои листы
 Мѣняетъ съ каждою весною.
 Такъ видно небомъ суждено.
 Полюбите вы снова: но...
 Учитесь властвовать собою;
 Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
 Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.» —

XVII.

Такъ проповѣдовалъ Евгений.
 Сквозь слезъ не видя ничего,
 Едва дыша, безъ возраженій,
 Татьяна слушала его.
 Онъ подалъ руку ей. Печально
 (Какъ говорится, машинально)
 Татьяна, молча, оперлась;
 Головкой томною склонясь,
 Пошли домой вкругъ огорода;
 Явились вмѣстѣ, и никто
 Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
 Имѣетъ сельская свобода
 Свои счастливыя права,
 Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
 Что очень мило поступилъ
 Съ печальной Таней нашъ пріятель;
 Не въ первый разъ онъ путьъ явилъ
 Души прямое благородство,
 Хотя людей недоброхотство
 Въ немъ не щадило ничего:
 Враги его, друзья его
 (Что, можетъ быть, одно и тоже)
 Его честили такъ и сякъ.
 Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ.
 Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
 Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
 Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
 Пустыя, черныя мечты;
 Я только въ скобкахъ замѣчаю,
 Что нѣтъ прѣзрѣнной клеветы,
 На чердакъ вралемъ рожденной
 И свѣтской чернью ободренной,
 Что нѣтъ нелѣпицы такой,
 Ни эпиграммы площадной,
 Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
 Въ кругу порядочныхъ людей,
 Безъ всякой злобы и запѣй,
 Не повторилъ стократъ ошибкой;
 А впрочемъ онъ за васъ горой:
 Онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!

XX.

Гмъ! гмъ! Читатель благородной,
 Здорова ль ваша вся родня?
 Позвольте: можетъ быть, угодно
 Теперь узнать вамъ отъ меня,
 Что значитъ именно родные.
 Родные люди вотъ какіе:
 Мы ихъ обязаны ласкать,

Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
Итакъ дай, Богъ, имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, лежокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не съетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самага себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй, вѣрно, нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не прудно угадать!
Любви безумныя спраданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури пѣнь
Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣды шепчуть межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей;...
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Неволью, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часть отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой
Владимиръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,

Гуляютъ утренней порой;
 И что жъ? Любовью упоенный,
 Въ смятенѣ нѣжнаго стыда,
 Онъ только смѣетъ иногда,
 Улыбкой Ольги ободренный,
 Развитымъ локономъ игратьъ
 Иль край одежды цѣловатьъ.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
 Нравоучительный романъ,
 Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
 Природу, чѣмъ Шатобрианъ,
 А между тѣмъ двѣ, при страницы
 (Пустыя бредни, небылицы,
 Опасныя для сердца дѣвъ)
 Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
 Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
 Они надъ шахматной доской,
 На столѣ облокотясь, порой
 Сидятъ, задумавшись глубоко,
 И Ленскій пѣшкой ладью
 Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой; и дома
 Онъ занятъ Ольгою своею.
 Летучіе листки альбома
 Прилежно украшаетъ ей:
 То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
 Надгробный камень, храмъ Киприды,
 Или на лирѣ голубка
 Перомъ и красками слегка;
 То на листкахъ воспоминанья
 Пониже подписи другихъ
 Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
 Безмолвный памятникъ мечтанья,
 Мгновенной думы долгій слѣдъ,
 Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
 Уздой барышни альбомъ,
 Что всѣ подружки измарали
 Съ конца, съ начала и кругомъ.
 Сюда, на зло правописанью,
 Стихи безъ мѣры, по преданью,
 Въ знакъ дружбы вѣрно внесены,
 Уменьшены, продолжены.
 На первомъ листикѣ встрѣчаешь
 Qu'écirez Vous sur ces tablettes;
 И подпись: t. à V. Annette;
 А на послѣднемъ прочитаешь:
 «Кто любитъ болѣе тебя,
 «Пусть пишетъ далѣе меня».

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
 Два сердца, факель и цвѣтки;
 Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
 Въ любви до гробовой доски;
 Какой-нибудь пѣить армейской
 Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
 Въ такой альбомъ, мои друзья,
 Признаться, радъ писать и я,
 Увѣренъ будучи душою,
 Что всякій мой усердный вздоръ
 Заслужитъ благосклонный взоръ,
 И что потомъ съ улыбкой злою
 Не стануть важно разбиратьъ,
 Остро, иль нѣтъ я могъ совратьъ.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
 Изъ библіотеки чертей,
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ риѳмачей,
 Вы, украшенные проворно
 Толстова кистью чудотворной
 Иль Баратынскаго перомъ,

Пускай сожжетъ васъ Божій громъ
 Когда блистательная дама
 Мнѣ свой *in-quarto* подаетъ,
 И дрожь и злость меня беретъ,
 И шевелится эпиграма
 Во глубинѣ моей души,
 А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
 Въ альбомѣ Ольги молодой;
 Его перо любовью дышетъ,
 Не хладно блещетъ остротой;
 Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
 Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
 И полны истины живой
 Текутьъ элегіи рѣкой.
 Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего,
 Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
 И сводъ элегій драгоцѣнный
 Представитъ нѣкогда тебѣ
 Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Криптикъ строгой
 Повелѣваетъ сбросить намъ
 Элегіи вѣнокъ убогой,
 И нашей братьѣ римачамъ
 Кричитъ: «да перестаньте плакать,
 «И все одно и то же квакать,
 «Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
 «Довольно, — пойте о другомъ!»
 — Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
 Трубу, личину и кинжалъ,
 И мыслей мертвый капиталъ
 Отвсюду воскресить прикажешь:
 Не такъ ли, другъ? Ничуть. Куда!
 «Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
 «Какъ было встарь заведено...»
 — Однѣ торжественныя оды!
 И, полно, другъ; не все ль равно?
 Припомни, что сказалъ сапирикъ!
 Чужаго толка хитрый лирикъ
 Ужели для тебя сноснѣй
 Унылыхъ нашихъ риѳмачей? —
 «Но все въ элегіи ничтожно;
 «Пустая цѣль ея жалка;
 «Межъ тѣмъ цѣль оды высока
 «И благородна...» Тутъ бы можно
 Пospорить намъ, но я молчу:
 Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
 Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
 Владиміръ и писалъ бы оды,
 Да Ольга не читала ихъ.
 Случалось ли поэтамъ слезнымъ
 Читать въ глаза своимъ любезнымъ
 Свои творенья? Говорятъ,
 Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.
 И впрямъ, блаженъ любовникъ скромной,
 Читающей мечты свои
 Предмету пѣсенъ и любви,
 Красавицѣ пріятно-томной!
 Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
 Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
 И гармоническихъ запѣй
 Читаю только старой няни,
 Подруги юности моей
 Да послѣ скучнаго обѣда
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
 Поймавъ неждано за полу,

Душу трагедіей въ углу,
 Или (но это кромѣ шутокъ),
 Тоской и риемами помимъ,
 Бродя надъ озеромъ моимъ,
 Пугаю стадо дикихъ утокъ:
 Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
 Онъ слетають съ береговъ.

XXXVI. XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
 Терпѣнья вашего прошу:
 Его вседневныя занятья
 Я вамъ подробно опишу.
 Онѣгинъ жилъ Анахоретомъ:
 Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
 И отправлялся налегкѣ
 Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
 Пѣвцу Гюльнары подражая,
 Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
 Потомъ свой кофе выпивалъ,
 Плохой журналъ перебирая,
 И одѣвался:

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
 Лѣсная пѣнь, журчанье струй,
 Порой бѣлянки черноокой
 Младой и свѣжій поцѣлуй,
 Уздѣ послушный конь ретивый,
 Обѣдъ довольно прихотливый,
 Бутылка свѣтлаго вина,
 Уединенье, тишина:
 Вотъ жизнь Онѣгина святая;
 И нечувствительно онъ ей
 Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
 Въ безпечной нѣгѣ не считая,
 Забывъ и городъ и друзей,
 И скуку праздничныхъ затѣй.

XL

Но наше сѣверное лѣто,
 Каррикатура южныхъ зимъ,
 Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
 Хоть мы признаться не хотимъ.
 Ужъ небо осенью дышало,
 Ужъ рѣже солнышко блистало,
 Короче становился день,
 Лѣсовъ таинственная сѣнь
 Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
 Ложился на поля туманъ,
 Гусей крикливыхъ караванъ
 Тянулся къ югу: приближалась
 Довольно скучная пора;
 Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XLI

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
 На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
 Съ своей волчихою голодной
 Выходитъ на дорогу волкъ;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпитъ — и путникъ осторожный
 Несется въ гору во весь духъ;
 На утренней зарѣ пастухъ
 Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
 И въ часъ полуденный въ кружокъ
 Ихъ не зоветъ его рожокъ;²³
 Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
 Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
 Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII

И вотъ уже трещатъ морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждетъ ужъ риѣмы розы:

²³ Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать дѣвою простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы дѣвчонками!

На, вотъ возьми ее скорѣй!)
 Опрятнѣй моднаго паркета
 Блистаеть рѣчка, льдомъ одѣта.²⁴
 Мальчишекъ радостный народъ
 Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
 На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
 Задумавъ плыть по лону водъ,
 Ступаетъ бережно на лёдъ,
 Скользитъ и падаетъ; веселый
 Мелькаеть, вѣтса первый снѣгъ,
 Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучаетъ взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхомъ въ степи суровой?
 Но конь, припугнутой подковой
 Невѣрный зацѣпляя лёдъ,
 Того и жди, что упадетъ.
 Сиди подъ кровлею пустынной,
 Читай: вотъ Прадтъ, вотъ W. Scott!
 Не хочешь? — Повѣряй расходъ,
 Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
 Кой-какъ пройдетъ, а завтра тожь,
 И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
 Вдался въ задумчивую лѣнь:
 Со сна садится въ ванну со льдомъ,
 И послѣ, дома цѣлый день,
 Одинъ, въ расчеты погруженный,
 Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдѣ въ два шара
 Играеть съ самага утра.
 Настанетъ вечеръ деревенскій:

²⁴ «Это значить,» замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ.» Справедливо.

Бильярдъ оставлень, кій забытъ,
 Передъ каминомъ столъ накрытъ,
 Евгенийъ ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
 На тройкѣ чалыхъ лошадей;
 Давай объѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Мозта
 Благословенное вино
 Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
 На столъ топчасъ принесено.²⁵
 Оно сверкаетъ Ипокреной;
 Оно своей игрой и пѣной
 (Подобіемъ того-сего)
 Меня плѣняло: за него
 Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
 Давалъ я, помните ль, друзья?
 Его волшебная струя
 Рождала глупостей не мало,
 А сколько шутокъ и стиховъ,
 И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
 Оно желудку моему,
 И я Бордо благоразумной
 Ужъ нынче предпочелъ ему.
 Къ Аи я больше не способенъ;
 Аи любовницѣ подобенъ
 Блестящей, вѣтреной, живой,
 И своенравной, и пустой...
 Но ты, Бордо, подобенъ другу,
 Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,

²⁵ Въ лѣта красныя мои
 Поэтическій Аи
 Нравился мнѣ пѣной шумной,
 Симвъ подобіемъ любви
 Или юности безумной, и проч.
 (Посланіе къ Л. П.)

Товарищъ завсегда, вездѣ,
 Готовъ намъ оказать услугу
 Иль тихій раздѣлить досугъ.
 Да здравствуетъ Бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
 Подернуть уголь золотой;
 Едва замѣтною струею
 Віется паръ, и теплотой
 Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
 Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
 Еще шипитъ среди стола.
 Вечерняя находитъ мгла...
 (Люблю я дружескія враки
 И дружескій бокаль вина
 Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я.)
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

— «Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣзвая твоя?»
 — «Налей еще мнѣ полстакана...
 Довольно, милый... Вся сѣмья
 Здорова; кланяться велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!... Когда нибудь
 Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:
 Два раза заглянулъ, а тамъ
 Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
 Да вотъ... какой же я болванъ!
 Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.»

XLIX.

— «Я?» — «Да, Татьяна именины
 Въ субботу. Олинъка и мать

Велѣли звать, и нѣтъ причины
 Тебѣ на зовѣ не пріѣзжать.»
 «Но куча будетъ тамъ народу
 И всякаго такого сброду...»
 — «И, никого, увѣренъ я!
 Кто будетъ тамъ? своя семья.
 Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
 Ну, что жъ?» — «Согласенъ.» — Какъ ты милъ!
 При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
 Потомъ разговорился вновь
 Про Ольгу: такова любовь!

Л.

Онъ веселъ былъ. Черезъ двѣ недѣли
 Назначенъ былъ счастливый срокъ.
 И тайна брачныя постели,
 И сладостной любви вѣнокъ
 Его восторговъ ожидали.
 Гимена хлопоты, печали,
 Зѣвоты хладная череда
 Ему не снились никогда.
 Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ
 Рядъ упоминительныхъ картинъ,²⁶
 Романъ во вкусѣ Лафонтена....
 Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рожденъ.

Ц.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
 Кто, хладный умъ угомонивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
 Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
 Въ весенній впившійся цвѣтокъ;

²⁶ Августъ Лафонтенъ, Авторъ множества семейственныхъ романовъ.

Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
 Чья не кружится голова,
 Кто всё движенья, всё слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
 Чье сердце опытъ остудилъ
 И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

*О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
 Ты, моя Свѣтлана!
 Жуковскій.*

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
 Стояла долго на дворѣ,
 Зимы ждала, ждала природа.
 Снѣгъ выпалъ только въ Январѣ
 На претѣ въ ночь. Проснувшись рано,
 Въ окно увидѣла Татьяна
 Поутру побѣлѣвшій дворъ,
 Куртины, кровли и заборъ;
 На стеклахъ легкіе узоры,
 Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
 Сорокъ веселыхъ на дворѣ
 И мягко устланныя горы
 Зимы блистательнымъ ковромъ.
 Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима!.. Крестьянинъ, торжествуя,
 На дровняхъ обновляетъ путь;
 Его лошадка, снѣгъ почуя,
 Плетется рысью какъ нибудь;
 Бразды пушистыя взрываая,
 Летитъ кибитка удалая;
 Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
 Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
 Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,

Въ салазки жучку посадивъ,
 Себя въ коня преобразивъ;
 Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
 Ему и больно и смѣшно,
 А мать грозитъ ему въ окно...

III.

Но, можетъ быть, такого рода
 Картины васъ не привлекутъ;
 Все это низкая природа;
 Изящнаго не много тутъ.
 Согрѣтый вдохновенъя богомъ,
 Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
 Живописалъ намъ первый снѣгъ,²⁷
 И всѣ отпѣнки зимнихъ нѣгъ;
 Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
 Прогулки тайныя въ саняхъ;
 Но я бороться не намѣренъ
 Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ лобой,²⁸
 Пѣвецъ Финляндки молодой!

IV.

Татьяна (Русская душою,
 Сама не зная почему.)
 Съ ея холодною красою
 Любила Русскую зиму,
 На солнцѣ иній въ день морозной,
 И сани, и зарею поздной
 Сіянье розовыхъ снѣговъ,
 И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
 По старинѣ торжествовали
 Въ ихъ домѣ эти вечера:
 Служанки со всего двора
 Про барышень своихъ гадали
 И имъ сулили каждый годъ
 Мужьевъ военныхъ и походъ.

²⁷ Смотри: Первый Снѣгъ, стихотворение Князя Вяземскаго.

²⁸ См. описанія Финляндской Зимы въ Одѣ Баратынскаго.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
 Простонародной старины,
 И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
 И предсказаніямъ луны.
 Ее превозжили примѣты;
 Таинственно ей всѣ предметы
 Провозглашали что нибудь,
 Предчувствія тѣснили грудь.
 Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
 Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
 То несомнѣнный знакъ ей былъ,
 Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
 Младой двурогій ликъ луны
 На небѣ съ лѣвой стороны:

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
 Когда жъ падающая звѣзда
 По небу темному летѣла
 И разсыпалася; тогда
 Въ смятеньи Таня поропилась,
 Пока звѣзда еще катилась,
 Желанье сердца ей шепнуть.
 Когда случилось гдѣ нибудь
 Ей встрѣтить чернаго монаха
 Иль быстрый заяцъ межъ полей
 Перебѣгалъ дорогу ей;
 Не зная, что начать со страха,
 Предчувствій горестныхъ полна,
 Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
 И въ самомъ ужасѣ она:
 Такъ насъ природа сотворила,
 Къ противорѣчію склонна.
 Настали святки. То-то радость!
 Гадаетъ вѣтренная младость,
 Которой ничего не жаль,

Передъ которой жизни даль
 Лежитъ свѣтла, необозрима,
 Гадаеть старость сквозь очки
 У гробовой своей доски,
 Все потерявъ невозвратно;
 И все равно: надежда имъ
 Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ потопленный глядитъ:
 Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
 Ей что-то чудное гласитъ;
 Изъ блюда, полного водою,
 Выходятъ кольца чередою;
 И вынулось колечко ей
 Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
 «Тамъ мужички-то все богаты,
 «Гребутъ лопатой серебро;
 «Кому поемъ, тому добро
 «И слава!» Но сулитъ утраты
 Сей пѣсни жалостный напѣвъ;²⁹
 Милѣй кошурка сердцу дѣвъ.

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
 Свѣпилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течеть такъ тихо, такъ согласно...
 Татьяна на широкій дворъ
 Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
 На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожитъ печальная луна...
 Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
 И голосокъ ея звучитъ
 Нѣжнѣй свирельнаго напѣва:

²⁹ Зоветь котъ кошурку

Въ печурку спать.

Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

Какъ ваше имя? ³⁰ Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаюнъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожитьъ,
Тихонько приказала въ бани
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянъ...
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожитьъ.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вѣтсся Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;

³⁰ Такимъ образомъ узнають имя будущаго жениха.

Не видитъ никого, кто руку
 Съ той стороны подалъ бы ей;
 Но вдругъ сугробъ зашевелился,
 И кто жъ изъ подъ-него явился?
 Большой взъерошенный медвѣдь;
 Татьяна ахъ! а онъ ревѣть,
 И лапу съ острыми когтями
 Ей протянулъ: она, скрѣпясь,
 Дрожащей ручкой оперлась
 И боязливыми шагами
 Перебралась черезъ ручей;
 Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
 Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
 Но отъ косматаго лакея
 Не можетъ убѣжать никакъ;
 Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный,
 Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
 Въ своей нахмуренной красѣ;
 Отягчены ихъ вѣтви всѣ
 Клоками снѣга; сквозь вершины
 Осинъ, березъ и липъ нагихъ
 Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
 Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
 Мятелью всѣ занесены,
 Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
 Снѣгъ рыхлый по колено ей;
 То длинный сукъ ее за шею
 Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
 Златыя серьги вырветъ силой;
 То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
 Увязнетъ мокрый башмачокъ;
 То выронитъ она платокъ;
 Поднять ей нѣкогда; боится,
 Медвѣдя слышитъ за собой,
 И даже трепетной рукой

Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ,
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна,
Не шевелится, недохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревьевъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесёнъ,
И ярко свѣтитъ окошко,
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь примолвилъ: здѣсь мой кумъ:
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она пихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ,

Вертится въ красномъ колпакъ,
 Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
 И крыльями трещитъ и машетъ;
 Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,³¹
 Людская молвь и конской топъ!
 Но что подумала Татьяна,
 Когда узнала межъ гостей
 Того, кто милъ и спрашенъ ей —
 Героя нашего романа!
 Онѣгинъ за столомъ сидитъ
 И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ: и всѣ хлопчутъ;
 Онъ пьетъ: всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
 Онъ засмѣется: всѣ хохочутъ;
 Нахмуритъ брови: всѣ молчатъ;
 Онъ тамъ хозяинъ, это ясно:
 И Таня ужъ не такъ ужасно,
 И любопытная теперь
 Не много растворила дверь...
 Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
 Огонь свѣтильниковъ ночныхъ:
 Смутилась шайка домовыхъ;
 Онѣгинъ, взорами сверкая,
 Изъ-за стола гремя встаетъ;
 Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и поропливо
 Татьяна силится бѣжать:
 Не лъзя никакъ; неперпѣливо

³¹ Въ журналахъ осуждали слова: хлопъ, молвь и топъ, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ.» (Сказка о Бовѣ Королевичѣ.) Хлопъ употребляется въ просторѣчии вмѣсто хлопаніе, какъ шипъ, вмѣсто шипѣнія. Онъ шипъ пустиль по змѣиному. (Древнія Русскія стихотворенія.)

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

Метаясь, хочетъ закричать:
 Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений:
 И взорамъ адскихъ привидѣній
 Явилась дѣва; ярый смѣхъ
 Раздался дико; очи всѣхъ,
 Копыта, хоботы кривые,
 Хвосты хохлатые, клыки,
 Усы, кровавы языки,
 Рога и пальцы костяные,
 Все указываетъ на нее,
 И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгений грозно,
 И шайка вся сокрылась вдругъ;
 Осталася во тмѣ морозной
 Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
 Онѣгинъ тихо увлекаетъ³²
 Татьяну въ уголь и слагаетъ
 Ее на шаткую скамью
 И клонитъ голову свою
 Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
 За нею Ленской; свѣтъ блеснулъ;
 Онѣгинъ руку замахнулъ,
 И дико онъ очами бродитъ,
 И незванныхъ гостей бранитъ:
 Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгений
 Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
 Повержень Ленскій; страшно тѣни
 Ступились; нестерпимый крикъ
 Раздался... хижина шатнулась...
 И Таня въ ужасъ проснулась...
 Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
 Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
 Зари багрянный лучъ играетъ;

³² Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется находить въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

Дверь отворилась. Ольга къ ней,
 Авроры сѣверной алѣй
 И легче ласточки, влетаетъ;
 Ну, говоритъ: «Скажи жъ ты мнѣ
 Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
 Въ постель съ книгою лежитъ,
 За листомъ листъ перебирая,
 И ничего не говоритъ.
 Хоть не являла книга эта
 Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
 Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
 Но ни Виргилій, ни Расинъ,
 Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
 Ни даже Дамскихъ Модъ Журналъ
 Такъ никого не занималъ:
 То былъ, друзья, Мартынъ Задека,³³
 Глава халдейскихъ мудрецовъ,
 Гадатель, полкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
 Завезъ кочующій купецъ
 Однажды къ нимъ въ уединенье,
 И для Татьяны наконецъ
 Его съ разрозненной Мальвиной
 Онъ уступилъ за три съ полпиной,
 Въ придачу взявъ еще за нихъ
 Собранье басенъ площадныхъ,
 Грамматику, двѣ Петриады
 Да Мармонтеля третій томъ.
 Мартынъ Задека сталъ потомъ
 Любимецъ Тани... Онъ отрады
 Во всѣхъ печаляхъ ей даритъ
 И безотлучно съ нею спитъ.

³³ Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.
 Не зная, какъ его понять,
 Мечтанья страшнаго значенье
 Татьяна хочетъ опыскать.
 Татьяна въ оглавленьи краткомъ
 Находитъ азбучнымъ порядкомъ
 Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
 Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель
 И прочая. Ея сомнѣній
 Мартынъ Задека не рѣшитъ;
 Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
 Печальныхъ много приключеній.
 Дней нѣсколько она потомъ
 Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ³⁴
 Заря отъ утреннихъ долинъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ имянинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣды съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
 Въ передней полкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
 Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
 Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;

³⁴ Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова.
 Заря багряною рукою
 Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою,— и проч.

Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета съдая,
 Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Узданный франтикъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный, Буяновъ, ³⁵
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
 Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Хорликова
 Приѣхалъ и москъ Трике,
 Острякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
 Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
 Трике привезъ куплѣтъ Тапьянѣ
 На голось, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплѣтъ;
 Трике, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
 И смѣло — вмѣсто *belle Nina* —
 Поставилъ *belle Tatiana*.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
 Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
 Узданныхъ мапушекъ отрада,
 Приѣхалъ ротный командиръ;
 Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!

³⁵ Буяновъ, мой сосѣдь,

.....

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
 Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ....
 (Опасный Сосѣдь.)

Музыка будетъ полковая!
 Полковникъ самъ ее послалъ.
 Какая радость: будетъ балъ!³⁶
 Дѣвчонки прыгають заранъ;
 Но кушати подали. Четой
 Идутъ за столъ рука съ рукой.
 Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
 Мужчины противъ; и, крестясь,
 Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXX.

На мигъ умолкли разговоры;
 Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
 Гремятъ тарелки и приборы
 Да рюмокъ раздаётся звонъ.
 Но вскорѣ гости понемногу
 Подъемяютъ общую тревогу.
 Никто не слушаетъ, кричатъ,
 Смѣются, спорятъ и пищатъ.
 Вдругъ двери настезь. Ленскій входитъ,
 И съ нимъ Онѣгинъ. — «Ахъ, Творецъ!»
 Кричитъ хозяйка: «наконецъ!» —
 Тѣснятся гости, всякъ отводитъ
 Приборы, стулья поскорѣй;
 Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
 И, утренней луны блѣднѣй
 И препетнѣй гонимой лани,
 Она темнѣющихъ очей
 Не подымаетъ: пышетъ бурно
 Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
 Она привѣтствуй двухъ друзей
 Не слышитъ, слезы изъ очей
 Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
 Бѣдняжка въ обморокъ упасть;
 Но воля и разсудка власть

³⁶ Наша критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила пишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгений:
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но дѣвы томной
Замѣтя препетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ и негодуя
Поклялся Ленскаго взбѣситъ
И ужъ порядкомъ отомститъ.
Теперь, заранъ торжествуя,
Онъ спалъ чертилъ въ душѣ своей
Каррикутуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно не одинъ Евгений
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленной);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
Между жаркимъ и блан-манже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ палии твоей,
Зизи, кристаль души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіаль,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ, и вотъ съ осанкой важной,

Куплетомъ мучимый давно,
 Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
 Хранить глубокое молчанье.
 Татьяна чуть жива; Трике,
 Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукъ,
 Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
 Его привѣтствуютъ. Она
 Пѣвцу присѣсть принуждена;
 Поэтъ же скромный, хотъ великій,
 Ея здоровье первый пьетъ
 И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
 Татьяна всѣхъ благодарить.
 Когда же дѣло до Евгенья
 Дошло, то дѣвы помный видъ,
 Ея смущеніе, усталость
 Въ его души родили жалость:
 Онъ, молча, поклонился ей,
 Но какъ-то взоръ его очей
 Былъ чудно нѣженъ. Отъ того ли,
 Что онъ и вправду пронуть былъ,
 Иль онъ, кокетствуя, шалилъ,
 Невольно ль! иль изъ доброй воли;
 Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
 Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отодвинутые стулья;
 Толпа въ гостиную валитъ:
 Такъ пчель изъ лакомага улья
 На ниву шумный рой лепитъ.
 Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
 Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
 Подсѣли дамы къ комельку:
 Дѣвицы шепчуть въ уголку;
 Столы зеленые раскрыты:
 Зовутъ задорныхъ игроковъ,
 Бостонъ и ломберъ стариковъ,
 И вистъ, донинѣ знаменитый,

Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робертовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часть
Опредѣлять объѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ Брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залъ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставляя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XI.

Въ началъ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ Петербургскій описатьъ;

Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
 Я занялся воспоминаньемъ
 О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
 По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
 О ножки, полно заблуждаться!
 Съ измѣной юности моей
 Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
 Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
 И эту пятую тетрадь
 Отъ отступленій очищать.

ХІ.

Однообразный и безумный,
 Какъ вихорь жизни молодой,
 Кружится вальса вихорь шумный;
 Чета мелькаетъ за чепой.
 Къ минутѣ мщенья приближаясь,
 Онѣгиня, втайнѣ усмѣхаясь,
 Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
 Вертится около гостей,
 Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
 Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
 Спустя минуты двѣ, потомъ
 Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
 Всѣ въ изумленіи. Ленскій самъ
 Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

ХІІ.

Мазурка раздалась. Бывало,
 Когда гремѣлъ мазурки громъ,
 Въ огромной залѣ все дрожало,
 Паркетъ трещалъ подѣ каблукомъ,
 Тряслися, дребезжали рамы;
 Теперь не по: и мы, какъ дамы,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
 Но въ городахъ, по деревнямъ
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальныя красы:
 Припрыжки, каблуки, усы
 Все тѣ же: ихъ не измѣнила
 Лихая мода, нашъ тиранъ,
 Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII. XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою; проворный
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И, наклонясь, ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветь.

XLV.

Но ей не лъзя. Не лъзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтренный ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снести удара;
Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*La sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non
dole.
Petr.*

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинъка зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее помилъ, какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьи. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосъе Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяна
И Ольги всѣ объаты сномъ.
Одна, печальна подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленіемъ,
Мгновенной нѣжностью очей

И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
 До глубины души своей
 Она проникнута; не можетъ
 Никакъ понять его; тревожитъ
 Ее ревнивая поска,
 Какъ будто холодная рука
 Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
 Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
 «Погибну,» Таня говоритъ:
 «Но гибель отъ него любезна.
 «Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
 «Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.» —

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
 Лице насъ новое зоветъ.
 Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
 Деревни Ленскаго, живетъ
 И здравствуетъ еще донынъ
 Въ философической пустынь
 Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
 Картежной шайки атаманъ,
 Глава повѣсь, прибунь практирный,
 Теперь же добрый и простой
 Отецъ семейства холостой,
 Надежный другъ, помѣщикъ мирный
 И даже честный человекъ:
 Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ злую храбрость выхвалялъ.
 Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
 Въ пяти сажняхъ попадалъ,
 И то сказать, что и въ сраженьи
 Разъ въ настоящемъ упоеньи
 Онъ отличился, смѣло въ грязь
 Съ коня Калмыцкаго сваясь,
 Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
 Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чести богъ,

Готовый вновь предаться узамъ,³⁷
 Чтобъ каждымъ упромъ у Веры
 Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ прунилъ забавно,
 Умѣлъ морочить дурака
 И умнаго дурачить славно,
 Иль явно, иль исподтишка,
 Хоть и ему иныя штуки
 Не проходили безъ науки,
 Хоть иногда и самъ въ просакъ
 Онъ попадался, какъ простакъ.
 Умѣлъ онъ весело поспорить,
 Остро и тупо отвѣчать,
 Порой расчетливо смолчать,
 Порой расчетливо повздорить,
 Друзей поссорить молодыхъ
 И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
 Дабы позавтракать впроемъ,
 И послѣ тайно обезславить
 Веселой шуткою, враньемъ,
Sed alia tempora! Удалость
 (Какъ сонъ любви, другая шалость)
 Проходитъ съ юностью живой.
 Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
 Подъ сѣнь черемухъ и акацій
 Отъ бурь укрывшись наконецъ,
 Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
 Капусту садитъ, какъ Гораций,
 Разводитъ утокъ и гусей
 И учитъ азбукъ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгений,
 Не уважая сердца въ немъ,

³⁷ Парижскій рестораторъ.

Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый полкъ о томъ, о семь.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ, и такъ нимало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, ослабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткій вызовъ, иль картель:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ всегда готовъ.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долъ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ: но Евгений
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: въ разборъ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечеръ небрежно.
А во-вторыхъ: пускай поэтъ
Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простительно: Евгений,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя

Не мячикомъ предразсуждений,
 Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
 Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
 А не щепиниться, какъ звѣрь?
 Онъ долженъ былъ обезоружить
 Младое сердце. «Но теперъ
 Ужъ поздно; время улетѣло...
 Къ тому жъ — онъ мыслитъ — въ это дѣло
 Вмѣшался старый дуэлистъ;
 Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
 Конечно: быть должно презрѣнье
 Цѣной его забавныхъ словъ;
 Но шопотъ, хохотня глупцовъ...»
 И вотъ общественное мнѣнье!³⁸
 Пружина чести, нашъ кумиръ!
 И вотъ на чемъ вертится миръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
 Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
 И вотъ сосѣдъ велерѣчивый
 Привезъ торжественно отвѣтъ.
 Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
 Онъ все боялся: чтобъ проказникъ
 Не отшутился какъ нибудь,
 Уловку выдумавъ и грудь
 Отворотивъ отъ пистолета.
 Теперь сомнѣнья рѣшены:
 Они на мельницу должны
 Приѣхать завтра до разсвѣта,
 Взвести другъ на друга курокъ
 И мѣпить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
 Кипящій Ленскій не хотѣлъ

³⁸ Стихъ Грибоѣдова.

Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
 На солнце, на часы смотрѣль,
 Махнулъ рукою напоследокъ —
 И очутился у сосѣдокъ.
 Онъ думалъ Олиньку смутить,
 Своимъ прїѣздомъ поразить;
 Не путь-то было: какъ и прежде,
 На встрѣчу бѣднаго пѣвца
 Прыгнула Олинька съ крыльца,
 Подобна вѣтренной надеждѣ,
 Рѣзва, безпечна, весела,
 Ну точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись?
 Былъ первый Олинькинъ вопросъ.
 Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
 И, молча, онъ повѣсилъ носъ.
 Исчезла ревность и досада
 Предъ этой ясностію взгляда,
 Предъ этой нѣжной простотой,
 Предъ этой рѣзвою душой!...
 Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленъ;
 Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
 Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
 Готовъ просить у ней прощенье,
 Трепещетъ, не находитъ словъ:
 Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
 Предъ милой Ольгою своей,
 Владиміръ не имѣетъ силы
 Вчерашній день напомнить ей;
 Онъ мыслитъ; «буду ей спаситель.
 Не потерплю, чтобъ развратитель
 Огнемъ и вздохомъ и похвалъ
 Младое сердце искушалъ;
 Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
 Точилъ лилеи стебелекъ;
 Чтобы двухутренній цвѣтокъ

Увяль еще полураскрытый.»
 Все это значило, друзья:
 Съ пріятелемъ спрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
 Моей Татьяны сердце жгла!
 Когда бы вѣдала Татьяна,
 Когда бы знать она могла,
 Что завтра Ленскій и Евгенийъ
 Заспорятъ о могильной сѣни:
 Ахъ, можетъ быть, ея любовь
 Друзей соединила бъ вновь!
 Но этой страсти и случайно
 Еще никто не открывалъ.
 Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
 Татьяна изнывала тайно;
 Одна бы няня знать могла,
 Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
 То молчаливъ, то весель вновъ;
 Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
 Всегда таковъ: нахмурия бровь,
 Садился онъ за клавикорды
 И бралъ на нихъ одни аккорды;
 То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
 Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
 Но поздно; время ѣхать. Сжалось
 Въ немъ сердце, полное тоской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будто разрывалось.
 Она глядитъ ему въ лицо.
 «Что съ вами? — «Такъ» И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
 Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
 Опять ихъ въ ящикъ, и, раздѣтый,

При свѣчкѣ, Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучать и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д. пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
Я ихъ имѣю; вопъ они:
«Куда, куда вы удалились,
«Весны моей златые дни?
«Что день грядущій мнѣ готовитъ?
«Его мой взоръ напрасно ловитъ,
«Въ глубокой мглѣ таится онъ.
«Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
«Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
«Иль мимо пролетитъ она,
«Все благо: бдѣнія и сна
«Приходитъ часъ опредѣленный;
«Благословенъ и день заботъ,
«Благословенъ и тмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
«И заиграетъ яркій день;
«А я — быть можетъ, я гробницы
«Сойду въ таинственную сѣнь,
«И память юнаго поэта
«Поглотитъ медленная Лета,
«Забудетъ міръ меня; но ты
«Придешь ли, дѣва красоты!
«Слезу пролить надъ ранней урной
«И думать: онъ меня любилъ,
«Онъ мнѣ единой посвятилъ
«Разсвѣтъ печальный жизни бурной!.

«Сердечный другъ, желанный другъ,
«Приди, приди: я пвой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло
(Что романпизмомъ мы зовёмъ,
Хоть романпизма путь нимало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ идеалъ
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будить Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Вespеръ пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная мятель
Блеститъ и вѣтятся; но постель
Еще Евгенийъ не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхатъ со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣлье.

Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
 Слугѣ велитъ приготавливаться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Готовы санки бѣговья.
 Онъ селъ на мельницу лепитъ.
 Примчался. Онъ слугѣ велитъ
 Лепажу³⁹ стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
 Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
 «Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
 Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ изъ чувства,
 И человѣка растянутъ
 Онъ позволялъ — не какъ нибудь,
 Но въ строгихъ правилахъ искусства,
 По всѣмъ преданьямъ старины
 (Что похвалить мы въ немъ должны).»

XXVII.

— «Мой секундантъ?» сказалъ Евгений:
 «Вотъ онъ: мой другъ, *monsieur Guillot*.
 Я не предвижу возраженій
 На представленіе мое:
 Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
 Но ужъ, конечно малый честный.» —
 Зарѣцкій губу закусилъ.
 Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
 «—Что жъ, начинать?» — «Начнемъ: пожалуй,»
 Сказалъ Владиміръ. И пошли

³⁹ Славный ружейный мастеръ.

За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій нашъ и честный малый
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наследственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ пишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойпиться ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Бойтся ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполь молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой съроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрялъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»
Хладнокровно,

Еще не цѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перешли шага,
 Четыре смертныя ступени.
 Свой пистолетъ тогда Евгений,
 Не преставая наступать,
 Сталъ первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
 Онѣгинъ выстрѣлилъ. . . Пробили
 Часы урочные: поэтъ
 Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
 Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
 Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашелъ безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасной
 Увялъ на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ!...

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и спраненъ
 Былъ томный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
 Дымясь, изъ раны кровь текла.
 Тому назадъ одно мгновенье,
 Въ семь сердецъ билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь:
 Теперь какъ въ домъ опустѣломъ,
 Все въ немъ и тихо, и темно;

Замолкло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окна мѣломъ
 Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
 А гдѣ, Богъ въспѣть. Пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
 Взбѣситъ оплошнаго врага;
 Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Пріятнѣй, если онъ, друзья,
 Завоетъ сдуру: это я!
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Ему готовить честный гробъ
 И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разстояньи;
 Но отослать его къ отцамъ
 Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
 Сраженъ пріятель молодой,
 Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
 Или бездѣлицей иной
 Васъ оскорбившій за бутылкой,
 Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
 Васъ гордо вызвавшій на бой,
 Скажите: вашею душой
 Какое чувство овладѣетъ,
 Когда недвижимъ, на землѣ
 Предъ вами съ смертью на челѣ,
 Онъ постепенно костенеетъ;
 Когда онъ глухъ и молчаливъ
 На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений,
 Рукою списнуйте пистолетъ,

Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
 «Ну, что жъ? убить?» рѣшилъ сосѣдъ.
 Убить!... Симъ страшнымъ восклицаньемъ
 Сражень, Онѣгинъ съ содроганьемъ
 Отходитъ и людей зоветъ.
 Зарѣцкій бережно кладетъ
 На сани трупъ оледенѣлый;
 Домой везетъ онъ страшный кладъ.
 Почуя мертваго, храпятъ
 И бьются кони, пѣной бѣлой
 Стальные мочатъ удила,
 И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта;
 Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
 Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
 Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
 Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
 Гдѣ благородное стремленье
 И чувствъ и мыслей молодыхъ,
 Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
 Гдѣ бурныя любви желанья,
 И жажда знаній и труда:
 И страхъ порока и стыда,
 И вы, завѣтныя мечтанья,
 Вы, призракъ жизни неземной,
 Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
 Иль хоть для славы былъ рожденъ;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
 Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тѣнь,
 Быть можетъ, унесла съ собою
 Святую тайну, и для насъ
 Погибъ животворящій гласъ,

И за могильною чертою
 Къ ней не домчится гимнъ племень,
 Благословеніе временъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и по: поэта
 Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
 Прошли бы юношества лѣта:
 Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
 Во многомъ онъ бы измѣнился,
 Разстался бъ съ музами, женился,
 Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
 Носилъ бы стеганный халатъ;
 Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, полстѣлъ, хирѣлъ,
 И наконецъ въ своей постелѣ
 Скончался бъ посреди дѣтей,
 Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XI.

Но что бы ни было, читатель,
 Увы, любовникъ молодой,
 Поэтъ, задумчивый мечтатель,
 Убить пріятельской рукой!
 Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
 Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
 Двѣ сосны корнями срослись;
 Подъ ними струйки извились
 Ручья сосѣдственной долины.
 Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
 И жницы въ волны погружать
 Приходятъ звонкіе кувшины;
 Тамъ у ручья въ тѣни густой
 Поставленъ памятникъ простой.

XII.

Подъ нимъ (какъ начинается капать
 Весенній дождь на злакъ полей)
 Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,

Поетъ про Волжскихъ рыбарей;
 И горожанка молодая,
 Въ деревнѣ лѣто провождая,
 Когда стремглавъ верхомъ она
 Несется по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ останавливаетъ,
 Ремянный поводъ натянувъ,
 И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
 Глазами бѣглыми читаетъ
 Простую надпись — и слеза
 Туманитъ нѣжные глаза.

ХІІ.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
 Въ мечтанье погружаясь, она;
 Душа въ ней долго поневоле
 Судьбою Ленскаго полна;
 И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
 Въ ней сердце долго ли страдало,
 Иль скоро слезъ прошла пора?
 И гдѣ теперь ея сестра?
 И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
 Красавицъ модныхъ модный врагъ,
 Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
 Убийца юнаго поэта?»
 Современемъ отчетъ я вамъ
 Подробно обо всемъ отдамъ;

ХІІІ.

Но не теперь. Хоть я сердечно
 Люблю героя моего,
 Хоть возвращусь къ нему, конечно,
 Но мнѣ теперь не до него.
 Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
 Лѣта шалунью риѣму гонятъ,
 И я — со вздохомъ признаюсь —
 За ней лѣнивѣй волочусь.
 Перу старинной нѣтъ охоты
 Марать летучіе листы;
 Другія, хладныя мечты,
 Другія, строгія заботы

И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней риѳма, младость?
Ужель и вправду наконецъ
Увяль, увяль ея вѣнецъ?
Ужель и впрямъ и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ запѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я, шутя, птвердилъ досель)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро придцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я наслаждался... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пуускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.

А ты младое вдохновенье,
 Волнуй мое воображенье,
 Дремоту сердца оживляй,
 Въ мой уголь чаще прилетай,
 Не дай остыть душѣ поэта,
 Ожесточиться, очерствѣть,
 И наконецъ окаменѣть
 Въ мертвящемъ упоении свѣта,
 Въ семь омутѣ, гдѣ съ вами я
 купаюсь, милые друзья!⁴⁰

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

*Москва, Россіи дочь любима,
 Гдѣ равную тебѣ сыскать?*

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!

Гдѣ жь лучше? Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибоѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
 Сбѣжали мутными ручьями
 На потопленные луга.

⁴⁰ Въ первомъ изданіи шестая Глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновенье, Волнуй мое воображенье, Дремоту сердца оживляй, Въ мой уголь чаще прилетай, Не дай остыть душѣ поэта, Ожесточиться, очерствѣть, И наконецъ окаменѣть Въ мертвящемъ упоении свѣта, Среди бездушныхъ гордецовъ, Среди блистательныхъ глупцовъ, Среди лукавыхъ, малодушныхъ, Шальныхъ, балованныхъ дѣтей, Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ, Тупыхъ, привязчивыхъ судей, Среди кокетокъ богомольныхъ, Среди холоповъ добровольныхъ, Среди всеневныхъ, модныхъ сценъ Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ, Среди холодныхъ приговоровъ Жестокосердой суеты, Среди досадной пустоты Расчетовъ, думъ и разговоровъ, Въ семь омутѣ, гдѣ съ вами я купаюсь, милые друзья.

Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
 Синѣя, блещутъ небеса.
 Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
 Пчела за данью полевой
 Летитъ изъ кельи восковой.
 Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
 Стада шумятъ, и соловей
 Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое темное волненье
 Въ моей душѣ, въ моей крови!
 Съ какимъ тяжелымъ умилениемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лице мнѣ вѣющей весны,
 На лонѣ сельской пишины!
 Или мнѣ чуждо наслажденье,
 И все, что радуетъ, живитъ,
 Все, что ликуетъ и блеститъ,
 Наводитъ скуку и томленье
 На душу мертвую давно
 И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую утрату,
 Внимая новый шумъ лѣсовъ;
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ дуמוю смущенной
 Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
 Которымъ возрожденья нѣтъ?
 Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ
 Срѣдь поэтического сна
 Иная, старая весна,
 И въ прѣпетъ сердце намъ приводитъ
 Мечтой о дальней сторонѣ,
 О чудной ночи, о лунѣ.....

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
 Эпикурейцы-мудрецы,
 Вы, равнодушные счастливыцы,
 Вы, школы Левшина⁴¹ ппенцы,
 Вы, деревенскіе Пріамы,
 И вы, чувствительныя дамы,
 Весна въ деревню васъ зоветъ,
 Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
 Пора гуляній вдохновенныхъ
 И соблазнительныхъ ночей.
 Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
 Въ каретахъ, тяжко нагруженныхъ,
 На долгихъ иль на почтовыхъ
 Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
 Въ своей коляскѣ выписной,
 Оставьте градъ неугомонный,
 Гдѣ веселились вы зимой;
 Съ моею музой своенравной
 Пойдемте слушать шумъ дубравный
 Надъ безыменною рѣкой,
 Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
 Отшельникъ праздный и унылой,
 Еще недавно жилъ зимой
 Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
 Моей мечтательницы милой;
 Но гдѣ его теперъ ужъ нѣтъ...
 Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
 Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
 Віась, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
 Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
 Тамъ соловей, весны любовникъ,

⁴¹ Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
 И слышенъ говоръ ключевой —
 Тамъ видѣнъ камень гробовой
 Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
 Пришельцу надпись говоритъ:
 «Владиміръ Ленской здѣсь лежитъ,
 «Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
 «Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
 Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
 Бывало, ранній вѣтерокъ
 Надъ этой урною смиренной
 Качалъ таинственный вѣнокъ;
 Бывало, въ поздніе досуги
 Сюда ходили двѣ подруги,
 И на могилѣ при лунѣ,
 Обнявшись, плакали онѣ.
 Но нынѣ... памятникъ унылой
 Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
 Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
 Одинъ, надъ нимъ, сѣдой и хилой
 Пастухъ по прежнему поетъ
 И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленской! изнывая,
 Не долго плакала она.
 Увы! невѣста молодая
 Своей печали не вѣрна.
 Другой увлекъ ея вниманье,
 Другой успѣлъ ея спаданье
 Любовной лестью усыпить,
 Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
 Уланъ любимъ ея душою...
 И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
 Она стыдливо подъ вѣнцомъ
 Стоитъ съ поникшей головою,
 Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
 Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летой усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?...
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ во слѣдъ....
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперстница родная,
Судьбою вдаль занесена,

Съ ней навсегда разлучена.
Какъ пѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотритъ въ опустѣлый садъ....
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ —
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убийцу брата своего;
Поэтъ погибъ ... но ужъ его
Никто не помнитъ, ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому,
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... На что грустить?

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбацїй. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскїй видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
 «Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?..
 Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
 Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
 И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
 Едва дыша; кругомъ обводитъ
 Недоумѣнья полный взоръ....
 И входитъ на пустынный дворъ.
 Къ ней, лая, кинулись собаки.
 На крикъ испуганный ея
 Ребятъ дворовая семья
 Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
 Мальчишки разогнали псовъ,
 Взявъ барыню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ не лъзя ли?»
 Спросила Таня. Поскорѣй
 Къ Анисѣ дѣти побѣжали,
 У ней ключи взять отъ сѣней;
 Анисья потчасъ къ ней явилась,
 И дверь предъ ними отворилась,
 И Таня входитъ въ домъ пустой,
 Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
 Она глядитъ: забытый въ залѣ
 Кій на бильярдѣ отдыхалъ,
 На смятомъ канапе лежалъ
 Манежный хлыстикъ. Таня далъ;
 Старушка ей: — «а вотъ каминъ;
 Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
 Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
 Сюда пожалуйте, за мною.
 Вотъ это барскій кабинетъ;
 Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
 Прикащика доклады слушалъ
 И книжку поутру читалъ....

И старый баринъ здѣсь живалъ;
 Со мной, бывало, въ воскресенье,
 Здѣсь подѣ окномъ, надѣвъ очки,
 Играть изволилъ въ дурачки.
 Дай Богъ душѣ его спасенье,
 А косточкамъ его покой
 Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!» —

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
 Вокругъ себя на все глядитъ,
 И все ей кажется безцѣннымъ,
 Все душу томную живить
 Полумучительной отпрадой:
 И столъ съ померкшею лампадой,
 И груды книгъ, и подѣ окномъ
 Кровать, покрытая ковромъ,
 И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
 И эполъ блѣдный полусвѣтъ,
 И Лорда Байрона портретъ,
 И столбикъ съ куклою чугунной
 Подѣ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
 Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
 Какъ очарована стоитъ.
 Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
 Темно въ долину. Роща спитъ
 Надъ опуманенной рѣкою;
 Луна сокрылась за горою,
 И пилигримкѣ молодой
 Пора, давно пора домой.
 И Таня, скрывъ свое волненье,
 Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
 Пускается въ обратный путь.
 Но прежде проситъ позволенья
 Пустынный замокъ навѣщать,
 Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
 За воротами. Черезъ день
 Ужъ утромъ рано вновь явилась
 Она въ оставленную сѣнь.
 И въ молчаливомъ кабинетѣ,
 Забывъ на время все на свѣтѣ,
 Осталась наконецъ одна,
 И долго плакала она.
 Потомъ за книги принялася.
 Сперва ей было не до нихъ,
 Но показался выборъ ихъ
 Ей страненъ. Чтенью предалася
 Татьяна жадною душой;
 И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ
 Издавна чтенья разлюбилъ,
 Однако жъ нѣсколько твореній
 Онъ изъ опалы исключилъ:
 Пѣвца Гяура и Жуана
 Да съ нимъ еще два-три романа,
 Въ которыхъ отразился вѣкъ,
 И современный человекъ
 Изображенъ довольно вѣрно
 Съ его безнравственной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечтанью преданной безмѣрно,
 Съ его озлобленнымъ умомъ,
 Кипящимъ въ дѣйствии пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
 Отмѣтку рѣзкую ногтей;
 Глаза внимательной дѣвицы
 Устремлены на нихъ живѣй.
 Татьяна видить съ препетаньемъ,
 Какою мыслью, замѣчаньемъ
 Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,

Въ чемъ молча соглашался онъ.
 На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
 Черты его карандаша.
 Вездѣ Онѣгина душа
 Себя невольно выражаетъ
 То краткимъ словомъ, по крестомъ,
 То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
 Моя Татьяна понимать
 Теперь яснѣе — слава Богу —
 Того, по комъ она вздыхать
 Осуждена судьбою властной:
 Чудакъ печальный и опасный,
 Созданье ада иль небесъ,
 Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
 Что жъ онъ? Ужели подражанье,
 Ничтожный призракъ, иль еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Слово модныхъ полный лексиконъ?...
 Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бѣгутъ; она забыла,
 Что дома ждутъ ее давно,
 Гдѣ собралися два сосѣда
 И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
 «Какъ быть? Татьяна не дитя,»
 Старушка молвила крехтя.
 «Вѣдь Олинъка ея моложе.
 Пристроить дѣвушку, ей-ей,
 Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
 Всѣмъ наотрѣзъ одно и то же:
 Нейду. И все груститъ она,
 Да бродитъ по лѣсамъ одна.

XXVI.

«Не влюблена ль она? Въ кого же?
 Буяновъ сватался: отказъ.
 Ивану Пѣтушкову — тоже.
 Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
 Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
 Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: поидетъ авось;
 Куда! и снова дѣло врозь.»
 — «Что жъ, матушка? за чѣмъ же стало?
 Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣсть.»
 — «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
 — «Довольно для одной зимы,
 Не по ужъ дамъ хоть я въ займы.» —

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совѣтъ разумный и благой;
 Сочлась — и путь же положила
 Въ Москву отправиться зимой.
 И Таня слышитъ новость эту.
 На судъ взыскательному свѣту
 Представитъ ясныя черты
 Провинціальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый складъ рѣчей;
 Московскихъ франтовъ и цирцей
 Привлечь насмѣшливые взгляды!...
 О страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
 Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
 Теперь она въ поля спѣшитъ
 И, умиленными очами
 Ихъ озирая, говоритъ:
 «Простите, мирныя долины,
 И вы, знакомыхъ горъ вершины,
 И вы, знакомые лѣса;

Прости, небесная краса,
 Прости, веселая природа!
 Мѣняю милый, тихій свѣтъ
 На шумъ блистательныхъ суетъ!...
 Прости жъ и ты, моя свобода!
 Куда, зачѣмъ стремлюся я?
 Что мнѣ сулитъ судьба моя?» —

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
 Теперь то холмикъ, то ручей
 Остановляютъ поневолю
 Татьяну прелестью своей.
 Она, какъ съ давними друзьями,
 Съ своими рощами, лугами
 Еще бесѣдовать спѣшитъ.
 Но лѣто быстрое летитъ.
 Настала осень золотая.
 Природа трепетна, блѣдна,
 Какъ жертва, пышно убрана...
 Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
 Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
 Идетъ волшебница Зима.

XXX.

Пришла, рассыпалась; клоками
 Повисла на сукахъ дубовъ;
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокругъ холмовъ;
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла пухлой пеленою;
 Блеснулъ морозъ. И рады мы
 Проказамъ матушки Зимы.
 Не радо ей лишь сердце Тани.
 Нейдетъ она зиму встрѣчать,
 Морозной пылью подышать
 И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
 Умыть лицо, плеча и грудь:
 Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ,
 Проходитъ и послѣдній срокъ.
 Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
 Забвенью брошенный возокъ.
 Обозъ обычный, при кибитки
 Везутъ домашніе пожитки,
 Кастрюльки, стулья, сундуки,
 Варенье въ банкахъ, тюфяки,
 Перины, кльтки съ пѣтухами,
 Горшки, тазы et cetera,
 Ну, много всякаго добра.
 И вотъ въ избѣ между слугами
 Поднялся шумъ, прощальный плачь:
 Ведутъ на дворъ осмнадцать клячъ,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ,
 Готовятъ завтракъ поворота,
 Горой кибитки нагружаютъ,
 Бранятся бабы, кучера.
 На клячъ пощей и косматой
 Сидитъ форрейторъ бородатый,
 Сбѣжалась челядь у воротъ
 Прощаться съ барами. И вотъ
 Усѣлись, и возокъ почтенный,
 Скользя, ползетъ за ворота.
 «Простите, мирныя мѣста!
 «Прости, пріютъ уединенный!
 «Увижу ль васъ?....» И слезъ ручей
 У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
 Отдвинемъ болѣе границъ,
 Современемъ (по расчисленью
 Философическихъ таблицъ,
 Лѣтъ черезъ пять сотъ) дороги вѣрно
 У насъ измѣнятся безмѣрно:
 Шоссе Россію здѣсь и путьъ,

Соединивъ, перестѣкнуть.
 Мосты чугунные чрезъ воды
 Шагнутъ широкою дугой,
 Раздвинемъ горы, подъ водой
 Пророемъ дерзостные своды,
 И заведетъ крещеный міръ
 На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ⁴²,
 Мосты забытые гніютъ,
 На станціяхъ клопы да блохи
 Заснутъ минуты не даютъ;
 Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
 Высокопарный, но голодной
 Для виду преискурантъ виситъ
 И тщетный дразнитъ аппетитъ,
 Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы
 Передъ медлительнымъ огнемъ
 Россійскимъ лечатъ молоткомъ
 Издѣлье легкое Европы,
 Благословляя колеи
 И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
 Ъзда пріятна и легка.
 Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной —
 Дорога зимняя гладка.
 Автомедоны наши бойки,

⁴² Дороги наши — садъ для глазъ: Деревья, съ дерномъ валь, канавы; Работы много, много славы, Да жаль, проѣзда нѣтъ подь часть. Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ, Проѣзжимъ мало барыша; Дорога, скажешь, хороша — И вспомнишь стихъ: для проходящихъ! Свободна Русская ѣзда Въ двухъ только случаяхъ: когда Нашъ Макъ-Адамъ, или Макъ-Ева. Зима свершить, треща отъ гнѣва, Опустошительный набѣгъ, Пугъ окуетъ чугуномъ льдистымъ, И запорошитъ ранній снѣгъ Слѣды ея пескомъ пушистымъ. Или когда поля проймётъ Такая знойная засуха, Что черезъ лужу можетъ въ бродъ Пройти, глаза зажмура, муха.
 (С т а н ц і я . Князь Вяземскій.)

Неутомимы наши пройки,
 И версты, тѣша праздный взоръ,
 Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ ⁴³.
 Къ несчастью, Ларина тащилась,
 Боясь прогоновъ дорогихъ;
 Не на почтовыхъ, на своихъ,
 И наша дѣва насладила
 Дорожной скукою вполнѣ:
 Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
 Ужъ бѣлокаменной Москвы,
 Какъ жаръ, крестами золотыми
 Горятъ старинныя главы.
 Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
 Когда церковей и колоколенъ,
 Садовъ, чертоговъ полукругъ
 Открылся предо мною вдругъ!
 Какъ часто въ горестной разлукѣ,
 Въ моей блуждающей судьбѣ,
 Москва, я думалъ о тебѣ!
 Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
 Для сердца Русскаго слилось!
 Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
 Петровскій замокъ. Мрачно онъ
 Недавнею гордится славой.
 Напрасно ждалъ Наполеонъ,
 Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
 Москвы колѣнопреклоненной
 Съ ключами стараго Кремля:
 Нѣтъ, не пошла Москва моя

⁴³ Сравненіе, заимствованное у К***, столь извѣстнаго игривостію воображенія. К... рассказывалъ, что будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концемъ изъ тѣлѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Къ нему съ повинной головою.
 Не праздникъ, не приѣмный даръ,
 Она готовила пожаръ
 Неперпѣливому герою.
 Отсель, въ думу погружёнъ,
 Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
 Петровский замокъ. Ну! не стой,
 Пошолъ! Уже столпы заставы
 Бѣлѣютъ: вотъ ужъ по Тверской
 Возокъ несется черезъ ухабы.
 Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды,
 Балконы, львы на воротахъ
 И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
 Проходитъ часъ, другой, и вотъ
 У Харитонья въ переулкѣ
 Возокъ предъ домомъ у воротъ
 Остановился. Къ старой теткѣ,
 Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
 Они приѣхали теперь.
 Имъ настезь отворяетъ дверь,
 Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
 Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой Калмыкъ.
 Встрѣчаетъ ихъ въ гостинной крикъ
 Княжны, простертой на диванѣ.
 Старушки съ плачемъ обнялись,
 И восклицанья полились.

XII.

Княжна, *mon ange!* — «*Pachette!*» — Алина! —
 — Кто бы могъ подумать? — Какъ давно!
 На долго ль? — Милая! Кузина!
 Садись — какъ это мудрено!
 Ей Богу, сцена изъ романа...
 — А это дочь моя, Татьяна. —
 Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ —
 Какъ будто брежу я во снѣ...
 Кузина, помнишь Грандисона? —
 Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
 Да, помню, помню. Гдѣ же онъ? —
 «Въ Москвѣ, живеть у Симеона;
 Меня въ сочельникъ навѣспилъ;
 Недавно сына онъ женилъ.

XIII.

А потѣ... но послѣ все расскажем,
 Не правда ль? Всей ея роднѣ
 Мы Таню завтра же покажемъ.
 Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
 Едва, едва таскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги;
 Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
 Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
 Мнѣ тяжела теперъ и радость,
 Не только грусть... душа моя,
 Ужъ никуда не годна я...
 Подъ старость жизнь такая гадость...»
 И путѣ, совсѣмъ утомлена,
 Въ слезахъ раскашлялась она.

XIV.

Больной и ласки и веселье
 Татьяну прогаютъ; но ей
 Не хорошо на новосельѣ,
 Привыкшей къ горницѣ своей.
 Подъ занавѣскою шелковой
 Не спится ей въ постелѣ новой,
 И ранній звонъ колоколовъ,

Предтеча утренних трудовъ,
 Ее съ постели подымаетъ.
 Садится Таня у окна.
 Рѣдѣетъ сумракъ, но она
 Своихъ полей не различаетъ:
 Предъ нею незнакомый дворъ,
 Конюшня, кухня и заборъ.

XLV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
 Развозятъ Таню каждый день
 Представить бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея разсыянную лѣнь.
 Роднѣ, прибывшей издавеча,
 Повсюду ласковая встрѣча,
 И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
 «Какъ Таня выросла! Давно ль
 Я, кажется, тебя крестила?
 А я такъ на руки брала!
 А я такъ за уши драла!
 А я такъ пряникомъ кормила!»
 И хоромъ бабушки твердятъ:
 «Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
 Все въ нихъ на старый образецъ:
 У тетушки Княжны Елены
 Все тотъ же тюлевый чепецъ;
 Все бѣлится Лукерья Львовна,
 Все то же жжетъ Любовь Петровна,
 Иванъ Петровичъ также глупъ,
 Семень Петровичъ также скупъ,
 У Пелагѣи Николавны
 Все тотъ же другъ мосье Финмушъ,
 И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
 А онъ, все клуба членъ исправный,
 Все также смиренъ, также глухъ
 И также ѣстъ и пьетъ за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимають.
 Младья граціи Москвы
 Сначала молча озирають
 Татьяну съ ногъ до головы;
 Ее находятъ что-то спранный,
 Провинціальной и жеманной,
 И что-то блѣдной и худой,
 А впрочемъ очень недурной;
 Потомъ, покорствуя природѣ,
 Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
 Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
 Взбиваютъ кудри ей по модѣ
 И повѣряютъ нараспѣвъ
 Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
 Надежды, шалости, мечты.
 Текуть невинныя бесѣды
 Съ прикрасой легкой клеветы.
 Потомъ, въ отплату лепетанья,
 Ея сердечнаго признанья
 Умильно прѣбуютъ онѣ.
 Но Таня, точно какъ во снѣ,
 Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
 Не понимаетъ ничего,
 И тайну сердца своего,
 Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
 Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
 И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
 Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
 Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
 Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
 Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
 Они клеветуютъ даже скучно;
 Въ бесплодной сухости рѣчей,

Распросовъ, сплетень и вѣстей
 Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
 Хоть невзначай, хоть наобумъ;
 Не улыбнется томный умъ,
 Не дрогнетъ сердце хоть для шутки.
 И даже глупости смѣшной
 Въ тебѣ не встрѣпишь, свѣтъ пустой!

XLX.

Архивны юноши толпою
 На Таню чопорно глядятъ,
 И про нее между собою
 Неблагодарно говорятъ.
 Одинъ какой-то шутъ печальной
 Ее находитъ идеальной,
 И, прислонившись у дверей,
 Элегію готовитъ ей.
 У скучной тетки Таню встрѣтя,
 Къ ней какъ-то В... подсѣлъ
 И душу ей занять успѣлъ.
 И, близъ него ее замѣтя,
 Объ ней, поправя свой парикъ,
 Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
 Протяжный раздается вой,
 Гдѣ машетъ мантіей мишурной
 Она предъ хладною толпой,
 Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
 И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
 Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
 Дивится зритель молодой
 (Что было также въ прежни лѣты,
 Во время ваше и мое),
 Не обратились на нее
 Ни дамъ ревнивые лорнетты,
 Ни трубки модныхъ знатоковъ
 Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

Ц.

Ее привозятъ и въ Собраньѣ.
 Тамъ пѣснопта, волненье, жарь,
 Музыки грохотъ, свѣчь блистанье,
 Мельканье, вихорь быстрыхъ парь,
 Красавицъ легкіе уборы,
 Людми пестрѣющіе хоры,
 Невѣстъ обширный полукругъ,
 Всѣ чувства поражаетъ вдругъ.
 Здѣсь кажутъ франты записные
 Свое нахальство, свой жилетъ
 И невнимательный лорнетъ.
 Сюда гусары отпускные
 Спѣшатъ явиться, прогремѣть,
 Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

Ш.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
 Красавицъ много на Москвѣ.
 Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
 Луна въ воздушной синевѣ.
 Но та, которую не смѣю
 Тревожить лирою моею,
 Какъ величавая луна,
 Срѣдь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
 Съ какою гордостью небесной
 Земли касается она!
 Какъ нѣгой грудь ея полна!
 Какъ помень взоръ ея чудесной!...
 Но полно, полно; перестань:
 Ты заплатилъ безумству дань.

Ш.

Шумъ, хохоть, бѣготня, поклоны,
 Галопъ, мазурка, вальсъ.... Межь тѣмъ,
 Между двухъ тетокъ, у колонны,
 Не замѣчаема никѣмъ,
 Татьяна смотритъ и не видитъ,
 Волненье свѣта ненавидитъ;
 Ей душно здѣсь.... она мечтой

Стремится къ жизни полевой,
 Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
 Въ уединенный уголокъ,
 Гдѣ льется свѣтлый ручеёкъ;
 Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ
 И въ сумракъ липовыхъ аллей,
 Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LV.

Такъ мысль ея далече бродить:
 Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ,
 А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводить
 Какой-то важный Генераль.
 Другъ другу тетушки мигнули,
 И локтемъ Таню вразъ полкнули,
 И каждая шепнула ей:
 — «Взгляни на лѣво поскорѣй.»
 — «На лѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
 — «Ну, что бы ни было, гляди...
 Въ той кучкѣ; видишь? впереди,
 Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...
 Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ...»
 — «Кто? толстый этотъ Генераль?» —

LVI.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
 Татьяну милую мою.
 И въ сторону свой путь направимъ,
 Чтوبъ не забыть, о комъ пою...
 Да кстати, здѣсь о томъ два слова:
 Пою пріятеля младова
 И множество его причудъ.
 Благослови мой долгій трудъ,
 О ты, эпическая Муза!
 И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
 Не дай блуждать мнѣ вкось и въ кривъ,
 Довольно. Съ плечъ долой обуза!
 Я классицизму отдалъ честь:
 Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

*Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.*

Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
Воспѣла детскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ея съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволь,

Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я Музу рѣзвую привёлъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ:
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары
 И какъ Вакханочка рѣзвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась —
 А я гордился межъ друзей
 Подругой вътреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
 И вдаль бѣжалъ... Она за мной.
 Какъ часто ласковая Муза
 Мнѣ услаждала путь нѣмой
 Волшебствомъ тайнаго разказа!
 Какъ часто, по скаламъ Кавказа
 Она Ленорой, при лунѣ,
 Со мной скакала на конѣ!
 Какъ часто по брегамъ Тавриды
 Она меня во мглѣ ночной
 Водила слушать шумъ морской,
 Немолчный шопотъ Нереиды,
 Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
 Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
 И блескъ, и шумные пиры,
 Въ глуши Молдавіи печальной
 Она смиренные шатры
 Племень бродящихъ посѣщала,
 И между ними одичала,
 И позабыла рѣчь боговъ
 Для скудныхъ странныхъ языковъ,
 Для пѣсенъ степи ей любезной...
 Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
 И вотъ она въ саду моёмъ

Явилась барышней уѣздной,
 Съ печальной думою въ очахъ,
 Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
 На свѣтскій раутъ⁴⁴ привожу;
 На прелести ея степныя
 Съ ревнивой робостью гляжу.
 Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
 Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
 И гордыхъ дамъ она скользитъ,
 Вотъ съѣла тихо и глядитъ,
 Любуясь шумной тѣснотою,
 Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
 Явленьемъ медленныхъ гостей
 Передъ хозяйкой молодою,
 И темной рамою мужчинъ
 Вкругъ дамъ какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
 Олигархическихъ бесѣдъ,
 И холодъ гордости спокойной,
 И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
 Но это кто въ толпѣ избранной
 Стоитъ безмолвный и туманной?
 Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
 Мелькаютъ лица передъ нимъ
 Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
 Что, сплинъ иль страждущая спѣсь
 Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
 Кто онъ таковъ? Уже ль Евгеній?
 Уже ли онъ?... Такъ, точно онъ.
 — Давно ли къ намъ онъ занесѣнъ?

⁴⁴ Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значить толпа.

VIII.

Все тотъ же ль онъ иль усмирися?
 Иль корчитъ также чудака?
 Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
 Что намъ представитъ онъ пока?
 Чѣмъ нынѣ явится? Мельмопомъ,
 Космополипомъ, папріотомъ,
 Гарольдомъ, квакеромъ, ханжѣй,
 Иль маской щегольнетъ иной.
 Иль просто будетъ добрый малой,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
 По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
 Отстать отъ моды обветшалою.
 Довольно онъ морочилъ свѣтъ...
 — Знакомъ онъ вамъ? — И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
 Вы отзываетесь о немъ?
 За то ль, что мы неугомонно
 Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
 Что пыλικихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
 Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
 Что слишкомъ часто разговоры
 Принять мы рады за дѣла,
 Что глупость вѣтрена и зла,
 Что важнымъ людямъ важны вздоры
 И что посредственность одна
 Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
 Блаженъ, кто въ время созрѣлъ,
 Кто постепенно жизни холодъ
 Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
 Кто страннымъ снамъ не предавался,
 Кто черни свѣтской не чуждался,
 Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,

А въ придцать выгодно женатъ;
 Кто въ пятьдесятъ освободился
 Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
 Кто славы, денегъ и чиновъ
 Спокойно въ очередь добился,
 О комъ пвердили цѣлый вѣкъ:
 N. N. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана,
 Что измѣняли ей всечасно,
 Что обманула насъ она:
 Что наши лучшія желанья,
 Что наши свѣжія мечтанья
 Исплѣли быстрой чередой,
 Какъ листья осенью гнилой.
 Несносно видѣть предъ собою
 Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
 Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
 И вслѣдъ за чинною толпою
 Итти, не раздѣляя съ ней
 Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
 Несносно (согласитесь въ томъ)
 Между людей благоразумныхъ
 Прослыть припворнымъ чудакомъ,
 Или печальнымъ сумасбродомъ,
 Иль сатаническимъ уродомъ,
 Иль даже Демономъ моимъ.
 Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
 Убивъ на поединкѣ друга,
 Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
 До двадцати шести годовъ,
 Томясь въ бездѣйствіи досуга
 Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
 Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
 Охота къ перемѣнѣ мѣстѣ
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногихъ добровольный крестъ).
 Оставилъ онъ свое селенье,
 Лѣсовъ и нивъ уединенье,
 Гдѣ окровавленная пѣнь
 Ему являлась каждый день,
 И началъ странствія безъ цѣли,
 Доступный чувству одному;
 И путешествія ему,
 Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
 Онъ возвратился и попалъ,
 Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
 По залъ шопотъ пробѣжалъ...
 Къ хозяйкѣ дама приближалась,
 За нею важный Генералъ.
 Она была не пороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Безъ взора наглаго для всѣхъ,
 Безъ притязаній на успѣхъ,
 Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
 Безъ подражательныхъ затѣй...
 Все тихо, просто было въ ней,
 Она казалась вѣрный снимокъ
*Di somme il faut.... *****, прости:
 Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялися ниже,
 Ловили взоръ ея очей;
 Дѣвицы проходили тише
 Предъ ней по залъ: и всѣхъ выше
 И носъ и плечи подымалъ

Вошедшій съ нею Генералъ.
 Никто бѣ не могъ ее прекрасной
 Назвать; но съ головы до ногъ
 Никто бы въ ней найти не могъ
 Того, что модой самовластной
 Въ высокомъ Лондонскомъ кругу
 Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести:
 Оно у насъ покамѣсть ново,
 И врядъ ли быть ему въ чести.
 Оно бѣ годилось въ эпиграммѣ...
 Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
 Безпечной прелестью мила,
 Она сидѣла у стола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы;
 И вѣрно бѣ согласились вы,
 Что Нина мраморной красою
 Затмить сосѣдку не могла,
 Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгений:
 Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
 Какъ! изъ глуши степныхъ селеній...»
 И неотвязчивый лорнетъ
 Онъ обращаетъ поминутно
 На ту, чей видъ напомнилъ смутно
 Ему забытыя черты.
 «Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,
 Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
 Съ Посломъ Испанскимъ говоритъ?»
 Князь на Онѣгина глядитъ.
 — «Ага! давно жѣ ты не былъ въ свѣтѣ.
 Постой, тебя представляю я.»
 — «Да кто жѣ она?» — «Жена моя.»

XVIII.

— «Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
 Давно ли?» — «Около двухъ лѣтъ.» —
 — «На комъ?» — «На Лариной.» — «Татьянъ!»
 — «Ты ей знакомъ?» — «Я имъ сосѣдъ».
 — «О, такъ пойдѣмъ же.» — Князь подходитъ
 Къ своей женѣ, и ей подводитъ
 Родню и друга своего.
 Княгиня смотритъ на него...
 И что ей душу ни смутило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило:
 Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
 Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то, чтобъ содрогнулась,
 Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
 У ней и бровь не шевельнулась;
 Не сжала даже губъ она.
 Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилѣжнѣй,
 Но и слѣдовъ Татьяны прежней
 Не могъ Онѣгинъ обрести.
 Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
 И — и не могъ. Она спросила,
 Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
 И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
 Потомъ къ супругу обратила
 Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
 И недвижимъ остался онъ.

XX.

Уже ль та самая Татьяна,
 Которой онъ наединѣ,
 Въ началъ нашего романа,
 Въ глухой, далекой сторонѣ,
 Въ благомъ пылу нравоученья,
 Читалъ когда-то наставленья, —
 Та, отъ которой онъ хранитъ

Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
 Гдѣ все наружъ, все на волѣ,
 Та дѣвочка... иль это сонъ?...
 Та дѣвочка, которой онъ
 Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
 Уже ли съ нимъ сей часъ была
 Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный,
 Домой задумчивъ ѣдетъ онъ;
 Мечтой то грустной, то прелестной
 Его встревоженъ поздній сонъ.
 Проснулся онъ: ему приносятъ
 Письмо: Князь N покорно проситъ
 Его на вечеръ. — «Боже! къ ней!...
 О буду, буду!» — и скорѣй
 Мараетъ онъ отвѣтъ учпивый.
 Что съ нимъ? въ какомъ онъ спранномъ снѣ!
 Что шевельнулось въ глубинѣ
 Души холодной и лѣнливой?
 Досада? суетность? иль вновь
 Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
 Вновь не дождется дню конца.
 Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
 Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
 Онъ съ трепетомъ къ Княгинѣ входитъ;
 Татьяну онъ одну находитъ
 И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
 Они сидятъ. Слова нейдутъ
 Изъ устъ Онѣгина. Угрюмый,
 Неловкій, онъ едва, едва
 Ей отвѣчаетъ. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотритъ онъ: она
 Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
 Сей непріятный tête-à-tête;
 Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
 Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
 Они смѣются. Входятъ гости.
 Вотъ крупной солью свѣтской злости
 Сталъ оживляться разговоръ;
 Передъ хозяйкой легкой вздоръ
 Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
 И прерывалъ его межъ пѣмъ
 Разумный полкъ безъ пошлыхъ темъ,
 Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства,
 И не пугалъ ни чьихъ ушей
 Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
 И знать и моды образцы,
 Вездѣ встрѣчаемыя лица,
 Необходимые глупцы;
 Тутъ были дамы пожилыя
 Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
 Тутъ было нѣсколько дѣвиць,
 Не улыбающихся лицъ;
 Тутъ былъ Посланникъ, говорившій
 О государственныхъ дѣлахъ;
 Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
 Старикъ, постарому шутившій,
 Отмѣнно тонко и умно,
 Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
 На все сердитый господинъ:
 На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
 На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На толки про романъ туманный,
 На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
 На ложъ журналовъ, на войну,
 На снѣгъ и на свою жену.

.....

XXVI.

Тутъ былъ ***, заслужившій
 Извѣстность низостью души,
 Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
 St.-P**, твои карандаши;
 Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
 Стоялъ картинкою журнальной,
 Румянъ — какъ вербный херувимъ.
 Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
 И путешественникъ залѣтной,
 Перекрахмаленный нахаль,
 Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
 Своей осанкою заботной,
 И молча обмѣненный взоръ
 Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
 Татьяной занятъ былъ одной,
 Не этой дѣвочкой несмѣлой,
 Влюбленной, бѣдной и простой,
 Но равнодушною Княгиней,
 Но неприступною богиней
 Роскошной, царственной Невы.
 О люди! всѣ похожи вы
 На прародительницу Эву:
 Что вамъ дано, то не влечетъ;
 Васъ непрестанно змій зоветъ
 Къ себѣ, къ таинственному древу;
 Запретный плодъ вамъ подавай:
 А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
 Какъ твердо въ роль свою вошла!
 Какъ утѣснительнаго сана
 Приемы скоро приняла!
 Кто бѣ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
 Въ сей величавой, въ сей небрежной
 Законодательницѣ залѣ?
 И онъ ей сердце волновалъ!
 Объ немъ она во мракъ ночи,
 Пока Морфей не прилетитъ,
 Бывало, дѣвственно груститъ,
 Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
 Мечтая съ нимъ когда нибудь
 Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
 Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея порывы благотворны,
 Какъ бури вѣшнія полямъ.
 Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
 И обновляются, и зрѣютъ —
 И жизнь могущая даетъ
 И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
 Но въ возрастъ поздній и бесплодной,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печаленъ страсти мертвой слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
 Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
 Въ поскѣ любовныхъ помышлений
 И день и ночь проводитъ онъ.
 Ума не внемля строгимъ пѣнямъ,
 Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
 Онъ подѣзжаетъ каждый день;

За ней онъ гонится какъ тѣнь;
 Онъ счастливъ, если ей накинеть
 Боа пушистый на плечо,
 Или коснется горячо
 Ея руки, или раздвинетъ
 Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
 Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
 Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
 Свободно дома принимаетъ,
 Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
 Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
 Порою вовсе не замѣтитъ:
 Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
 Его не терпитъ высшій свѣтъ.
 Бѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ:
 Ей иль не видно, иль не жаль;
 Онѣгинъ сохнетъ — и едва ль
 Ужъ не чахоткою страдаетъ.
 Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
 Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
 Писать ко прадѣдамъ готовъ
 О скорой встрѣчѣ; а Татьяна
 И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
 А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
 Еще надѣется, хлопочетъ;
 Смѣлѣй здороваго, больной,
 Княгинѣ слабою рукой
 Онъ пишетъ страстное посланье.
 Хоть толку мало вообще
 Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
 Но, знать, сердечное спаданье
 Уже пришло ему не въ мочь.
 Вотъ вамъ письмо его почъ въ почъ.
 Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.
 «Предвижу все; васъ оскорбитъ

Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Вашъ гордый взглядъ изобразить!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!
«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою посылаю свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило....
Несчастной жертвой Ленскій палъ....
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!
«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!
«И я лишень того: для васъ
Ташусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скупѣтращу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я упрямъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я....
«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидѣть вашъ суровый взоръ

Затѣи хитрости презрѣнной —
 И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
 Когда бѣ вы знали, какъ ужасно
 Томиться жаждою любви,
 Пылать — и разумомъ всечасно
 Смирать волненіе въ крови;
 Желать обнять у васъ колѣни
 И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
 Излить мольбы, признанья, пѣни,
 Все, все, что выразить бы могъ,
 А между тѣмъ припворнымъ хладомъ
 Вооружать и рѣчь и взоръ,
 Вести спокойный разговоръ,
 Гладѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...
 «Но такъ и быть: я самъ себѣ
 Противиться не въ силахъ болѣ;
 Все рѣшено: я въ вашей волѣ
 И предаюсь моей судьбѣ.» —

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
 Второму, третъему письму
 Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
 Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
 Она навстрѣчу. Какъ сурова!
 Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
 У! какъ теперь окружена
 Крещенскимъ холодомъ она!
 Какъ удержатъ негодованье
 Уста упрямыя хотятъ!
 Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
 Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
 Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
 На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ...

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
 Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
 Проказы, слабости случайной....
 Всего, что мой Онѣгинъ зналъ....
 Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,

Свое безумство проклинаятъ —
 И, въ немъ глубоко погружень,
 Отъ свѣта вновь отпрекся онъ.
 И въ молчаливомъ кабинетѣ
 Ему припомнилась пора,
 Когда жестокая хандра
 За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
 Поймала, за воротъ взяла
 И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
 Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шамфора,
 Madame de Staël, Биша, Тиссо,
 Прочелъ скептическаго Беля,
 Прочелъ творенья Фонтенеля,
 Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ твердятъ,
 Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
 А гдѣ такіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда,
 E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печатными строками
 Читалъ духовными глазами
 Другія строки. Въ нихъ-то онъ
 Былъ совершенно углублѣнъ.
 То были тайныя преданья
 Сердечной, темной старины,
 Ни съ чемъ не связанные сны,
 Угрозы, толки, предсказанья,
 Иль длинной сказки вздоръ живой,
 Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
 И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
 А передъ нимъ Воображенье
 Свой пестрый мечетъ фараонъ.
 То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ
 Какъ будто спящій на ночлегѣ,
 Недвижимъ юноша лежитъ,
 И слышитъ голосъ: что жъ? Убить!
 То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
 Клеветниковъ, и прусовъ злыхъ,
 И рой измѣнницъ молодыхъ,
 И кругъ товарищей презрѣнныхъ,
 То сельскій домъ— и у окна
 Сидитъ она... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
 Что чуть съ ума не своротилъ
 Или не сдѣлался поэтомъ.
 Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
 А точно: силой магнетизма
 Стиховъ Россійскихъ механизма
 Едва въ то время не постигъ
 Мой безтолковый ученикъ.
 Какъ походилъ онъ на поэта,
 Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
 И передъ нимъ пылалъ каминъ,
 И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
 Иль *Idol mio*, и ронялъ
 Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухъ нагрѣтомъ
 Ужъ разрѣшалася зима;
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сошелъ съ ума.
 Весна живетъ его: впервые
 Свои покои запертые,
 Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,

Двойныя окна, камелекъ
 Онъ яснымъ упромъ оставляетъ,
 Несется вдоль Невы въ саняхъ.
 На синихъ, избѣченныхъ льдахъ
 Играетъ солнце; грязно таетъ
 На улицахъ разрытый снѣгъ.
 Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
 Ужъ угадали; точно такъ:
 Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
 Мой неисправленный чудакъ.
 Идетъ, на мертвеца похожій.
 Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
 Онъ въ залу; дальше: никого.
 Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
 Съ такою силой поражаетъ?
 Княгиня передъ нимъ, одна,
 Сидитъ, не убрана, блѣдна,
 Письмо какое-то читаетъ
 И тихо слезы льетъ рѣкой,
 Опершись на руку щекой.

XL

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
 Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
 Кто прежней Тани, бѣдной Тани
 Теперь въ Княгинѣ бъ не узналъ!
 Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
 Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
 Она вздрогнула и молчитъ;
 И на Онѣгина глядитъ
 Безъ удивленія, безъ гнѣва...
 Его больной, угасшій взоръ,
 Молящій видъ, нѣмой укоръ,
 Ей внятно все. Простая дѣва,
 Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
 Теперь опять воскресла въ ней.

XII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей....
О чемъ теперъ ея мечтанье?...
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынеть кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой....

XIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суетной Молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтъѣ
Теперь являться я должна;

Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ,
Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?»

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею...»

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко!... Но судьба моя
 Ужъ рѣшена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній
 Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.» —

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
 Какъ будто громомъ пораженъ.
 Въ какую бурю ощущеній
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
 Но шпоръ незатный звонъ раздался,
 И мужъ Татьянинъ показался,
 И здѣсь героя моего,
 Въ минуту злую для него,
 Читатель, мы теперь оставимъ,
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы путемъ однимъ
 Бродили по свѣту. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давно бѣ (неправда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
 Разстаться нынче какъ пріятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенья ль отъ трудовъ,

Живых картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ ошибокъ
Хотя крупицу могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

Л.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились въ первые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

Ш.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А та, съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ...
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

Послѣдняя Глава Евгенія Онъгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было путешествіе Онъгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную Главу точками или цифромъ; но во избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенія Онъгина и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

*Пора: перо покоя просить;
Я девять пѣсень написалъ;
На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валь —
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»*

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ. — Замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижній Новгородъ:

.....передъ нимъ
 Макаръевъ суетно хлопочетъ,
 Кипитъ обиліемъ своимъ.
 Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
 Поддѣльныя вина Европеецъ,
 Табунъ бракованныхъ коней
 Пригналъ заводчикъ изъ степей,
 Игрокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей,
 Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
 А дочки — прошлогодни моды.
 Всякъ суетится, лжеть за двухъ,
 И всюду меркантильный духъ.

* *
 *

Тоска!...

Онѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань, и оттуда на Кавказъ:

Онъ видитъ: Терекъ своенравный
 Крутые роетъ берега;
 Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
 Стоитъ олень, склонивъ рога;
 Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
 Въ дугахъ несетя конь Черкеса,
 И вокругъ кочующихъ шатровъ
 Пасутся овцы Калмыковъ,
 Въ дали — Кавказскія громады:
 Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
 За ихъ естественную грань,
 Черезъ ихъ опасныя преграды;
 Берега Арагвы и Куры
 Узрѣли Русскіе шатры.

* *
 *

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
 Стѣсненный холмами вокругъ,
 Стоитъ Бешту остроконечный

И зеленѣющей Машукъ,
 Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Больныхъ тѣснится бѣдный рой;
 Кто жертва чести боевой,
 Кто Почечуя, кто Киприды;
 Страдалецъ мыслить жизни нить
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
 Кокетка, злыхъ годовъ обиды
 На днѣ оставить, а старикъ
 Помолодѣть — хотя на мигъ.

* * *

Питая горьки размышленья,
 Среди печальной ихъ семьи,
 Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
 Глядитъ на зимнія струи
 И мыслить, грустью отуманенъ:
 Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
 Зачѣмъ не хилой я старикъ,
 Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
 Чего мнѣ ждатель? тоска, тоска!...

* * *

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду;

Воображенью край священный:
 Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
 Тамъ заколося Митридатъ,
 Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
 И, посреди прибрежныхъ скалъ,
 Свою Литву воспоминалъ.

* * *

Прекрасны вы, брега Тавриды,
 Когда васъ видишь съ корабля
 При свѣтъ утренняя Киприды,
 Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
 Вы мнѣ предстали въ блескъ брачномъ:
 На небѣ синемъ и прозрачномъ
 Сіяли груди вашихъ горъ,
 Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
 Разостланъ былъ передо мною.
 А тамъ, межъ хиженокъ Татаръ....
 Какой во мнѣ проснулся жаръ!
 Какой волшебною тоскою
 Стѣснялась пламенная грудь!
 Но, Муза! прошлое забудь.

* *
*

Какія бѣ чувства ни таились,
 Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
 Они прошли иль измѣнились....
 Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны
 Пустыни, волнъ края жемчужны.
 И моря шумъ, и груди скалъ,
 И гордой дѣвы идеаль,
 И безыменныя страданья....
 Другіе дни, другіе сны;
 Смирились вы, моей весны
 Высокопарныя мечтанья,
 И въ поэтической бокаль
 Воды я много подмѣшалъ.

* *
*

Иныя нужны мнѣ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ стѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи —
 Да прудъ подъ стѣнью ивъ густыхъ,

Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила мнѣ балалайка
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака.
 Мой идеаль теперь — хозяйка,
 Мои желанія — покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой.

* *
 *

Порой дождливою наведни
 Я, завернувъ на скотный дворъ...
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
 Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
 Такія ль мысли мнѣ на умъ
 Навель твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ.....
 Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ...
 Спустя три года, вслѣдъ за мною,
 Скитаясь въ той же сторонѣ,
 Онъгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

* *
 *

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
 Тамъ долго ясны небеса,
 Тамъ хлопотливо торгъ обильной
 Свои подъемлетъ паруса;
 Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
 Разнообразностью живой.
 Языкъ Италіи златой
 Звучитъ по улицъ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
 Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
 И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
 И сынъ Египетской земли,
 Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

* *
*

*Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описаль,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взираль.
Пріѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ— и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославиль.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставиль
Младья вътви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.*

* *
*

*А гдѣ, бишь, мой разсказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бь могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волѣ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.*

* *
*

*Но ужъ дробить камня молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной*

Еще есть недостатокъ важной;
 Чего бѣ вы думали? — воды.
 Потребны тяжкіе труды.....
 Что жь? это небольшое горе?
 Особенно, когда вино
 Безъ пошлины привезено.
 Но солнце южное, но море....
 Чего жь вамъ болѣе, друзья?
 Благословенные края!

* *
* *

Бывало, пушка зарева
 Лишь только грянетъ съ корабля,
 Съ крутаго берега сбѣгая,
 Ужъ къ морю отправляюся я.
 Потомъ за трубкой раскаленной,
 Волной соленой оживленной,
 Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
 Съ Восточной гущей кофе пью.
 Иду гулять. Ужъ благосклонный
 Открыть Casino; чашекъ звонъ
 Тамъ раздается; на балконъ
 Маркёръ выходитъ полусонный
 Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
 Уже сошлись два купца.

* *
* *

Глядишь и площадь запестрѣла.
 Все оживилось; здѣсь и тамъ
 Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
 Однако больше по дѣламъ.
 Дитя расчета и отваги,
 Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
 Провѣдать, шлютъ ли небеса
 Ему знакомы паруса.
 Какіе новые товары
 Вступили нынче въ карантинъ?
 Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
 И что чума? и гдѣ пожары?

*И нѣтъ ли голода, войны
Или подобной новизны?*

* *
*

*Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устриць ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ;⁴⁵
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.*

* *
*

*Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій,
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критикъ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый,
Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?*

* *
*

⁴⁵ Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

А только ль тамъ очарованій?
 А разыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
 А prima donna? а балетъ?
 А ложа, гдѣ красой блистая,
 Негоціанка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена?
 Она и внемлетъ и не внемлетъ
 И каватинъ, и мольбамъ,
 И шуткѣ съ лестью пополамъ...
 А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонкахъ фора закричитъ,
 Звънетъ и — снова захрапитъ.

* *
*

Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
 Шума, торопится разѣздъ;
 Толпа на площадь побѣжала
 При блескъ фонарей и звѣздъ,
 Сыны Авзоніи счастливой
 Слегка поютъ мотивъ игривой,
 Его невольно затвердивъ,
 А мы режемъ речитативъ.
 Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
 И бездыханна и тепла.
 Нѣмая ночь. Луна взошла,
 Прозрачно-легкая завѣса
 Объемлетъ небо. Все молчитъ;
 Лишь море Черное шумитъ...

* *
*

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ...

—

ОЛЕКСАНДР ПУШКІН
Євгеній Онєгін
Роман у віршах

Київ, 2018. Електронна книжка

Текст відтворено в оригінальній орфографії за 3-м виданням, надрукованим в типографії Експедиції виготовлення Державних паперів. Санкт-Петербург 1837 р.

За редакцією М. Терлецького
21 січня 2018 р.

ЗМІСТ

ВІД РЕДАКТОРА.....	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	28
ГЛАВА ТРЕТІЯ.....	45
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	64
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	82
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	100
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	117
ГЛАВА ОСЬМАЯ.....	139
ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.	161